

Завораживающий
роман, который
держит
в напряжении
до последней
страницы.

Publishers Weekly

СОХРАНЯЯ
ВЕРУ
РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Сохраняя веру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51643748

Сохраняя веру:

ISBN 978-5-389-18010-9

Аннотация

Мэрайя, застав мужа с другой женщиной, впадает в депрессию, а их семилетняя дочь Вера замыкается в себе и ищет утешения у подруги, которую, возможно, выдумала, а возможно, и нет. Все чаще и чаще происходят необъяснимые вещи: Вера то процитирует стих из Евангелия, хотя в доме даже нет Библии, то упомянет о давнем эпизоде из жизни своей мамы, о котором та никогда никому не говорила. По городку и за его пределами начинают циркулировать слухи о девочке, которая видит Бога в женском обличье и исцеляет больных. У дома Мэрайи и Веры собирается толпа репортеров, религиозных фанатиков и желающих исцелиться. Священнослужители проявляют настойчивое желание разобраться в ситуации.

Во что верить? Вера – мессия или просто маленькая девочка? Мэрайя – хорошая мать, пытающаяся преодолеть трудности, или шарлатанка, использующая свою дочь, чтобы вернуть внимание к себе? По мере того как разворачивается битва за опеку над Верой, Мэрайя должна понять, что силу духа не обязательно черпать в религии, ее можно найти и внутри себя...

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	6
Книга первая	18
Глава 1	18
Глава 2	45
Глава 3	91
Глава 4	117
Глава 5	145
Глава 6	162
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Джоди Пиколт

Сохраняя веру

Посвящается Лоре Гросс

Десять лет назад вы с такой силой поверили в меня, что смогли убедить издательский мир рискнуть, и я начала печататься. За следующие сорок-пятьдесят лет плодотворного сотрудничества и за нашу дружбу! Теперь вы понимаете, почему я не могла посвятить эту книгу падре Пио?

© М. П. Николенко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

10 августа 1999 года

При обычных обстоятельствах нас с Верой не было бы дома в тот момент, когда мама позвонила нам, чтобы мы пришли посмотреть на ее новехонький гроб.

– Мэрайя? – удивилась она, услышав в трубке мой голос. – Не думала, что застану тебя...

– Продуктовый магазин закрыт, потому что в овощном отделе система орошения вышла из строя и все затопила, – вздохнула я. – А у хозяина химчистки кто-то умер.

Сюрпризов я не люблю. Предпочитаю придерживаться плана. Моя жизнь напоминает мне новенький органайзер, где все аккуратно и каждый ярлычок на своем месте. Этим я обязана своему образованию – у меня диплом архитектора – и упорному нежеланию стать такой, как моя мать. За каждым днем я закрепила определенное назначение: в понедельник собираю стены кукольных домиков, во вторник обставляю их мебелью, среда – день разъездов, четверг – день уборки, в пятницу я занимаюсь внеплановыми делами, накопившись за неделю. Сегодня среда. Обычно я забираю рубашки Колина, еду в банк, потом закупаю продукты. Едва успеваю вернуться домой и разобрать покупки – пора везти Веру на балет. Урок начинается в час дня. Но в этот раз по независящим от меня причинам мне некуда девать свободное время.

– Ну что ж... – говорит мама в своей неподражаемой манере. – Значит, самой судьбе угодно, чтобы ты ко мне приехала.

Вдруг передо мной появляется Вера:

– Это бабушка? Ей привезли?

– Что привезли?

Еще только десять утра, а у меня уже болит голова.

– Скажи Вере, что привезли, – говорит мама на другом конце провода.

Я оглядываю комнату: надо бы ковер пропылесосить, но если я сделаю это сегодня, то чем буду заниматься завтра?

В стекла тяжело барабанит августовский дождь. Вера кладет мягкую теплую ладошку мне на колено.

– Ладно, – говорю я матери. – Сейчас приедем.

Мама живет в двух с половиной милях от нас в старом каменном особнячке, который все в Нью-Ханаане¹ называют Пряничным домиком. Вера видится со своей бабушкой почти каждый день. Играет у нее после школы в дни, когда я работаю. Мы могли бы и пешком дойти, если бы не погода. Только сели в машину, как я вспоминаю, что забыла сумочку на кухонной столешнице.

– Подожди, – прошу я Веру и, сгорбившись, будто боюсь растаять от дождя, бегу к дому.

¹ Официально город Нью-Ханаан называется Нью-Кейнан. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Открываю дверь, и тут же звонит телефон. Беру трубку:

– Алло?

– О, ты дома? – произносит Колин.

При звуке его голоса мое сердце словно бы подпрыгивает. Мой муж – менеджер по продажам в маленькой фирме, которая производит светодиодные таблички с надписью «Выход». На два дня ему пришлось уехать в Вашингтон, чтобы проинструктировать нового торгового представителя. Мы с мужем как шнурки на туго затянутом высоком ботинке. Не можем друг без друга. Потому-то он сейчас и звонит.

– Ты в аэропорту?

– Да... Застрял тут, сижу...

Наматывая телефонный провод на руку, я вслушиваюсь в слова Колина, в его округлые гласные и слышу то, что он стесняется сказать на людях: «Люблю тебя. Скучаю по тебе. Ты моя». Механический голос объявляет о прибытии очередного рейса.

– У Веры сегодня бассейн?

– Нет, танцы. В час. – Секунду помолчав, я мягко спрашиваю: – Когда ты будешь дома?

– Как только смогу.

Я прикрываю глаза. Что может быть лучше, чем обнять вернувшегося из командировки Колина, уткнуться лицом в изгиб его шеи, наполнить легкие его запахом! Колин вешает трубку не попрощавшись. Я улыбаюсь: это очень похоже на моего мужа. Он так торопится домой, ко мне!

Пока мы едем к моей маме, дождь прекращается. Возле большого футбольного поля на окраине города машины одна за другой съезжают на узкую обочину. Над сочной зеленой травой выгнулась идеально правильная радуга. Я не останавливаюсь, а даже наоборот, прибавляю скорости:

– Можно подумать, эти люди никогда ничего подобного не видели!

Вера опускает стекло и высовывает ручку наружу, потом протягивает ее мне.

– Мамочка! – кричит она. – Я потрогала радугу!

Я машинально опускаю глаза и вижу на пальчиках дочки разноцветные полосы: красную, синюю, светло-зеленую. У меня перехватывает дыхание. Но через секунду я вспоминаю, что час назад Вера сидела на полу гостиной, зажав в кулачке разноцветные фломастеры.

Доминанта гостиной моей мамы – довольно уродливый угловой диван с обивкой «Ногехайд»² телесного цвета. Я пыталась уговорить ее купить красивый мягкий гарнитур из натуральной кожи с парой вольтеровских кресел, но она только рассмеялась: «Кожа – это для гоев с фамилиями прибывших на „Мэйфлауэре“ переселенцев». И я от нее отстала: во-первых, кожаный диван есть у меня самой, во-вторых, я заму-

² «Ногехайд» – фирменное название кожзаменителя, используемого для обивки мебели; ассоциируется с плохим вкусом и претензией на зажиточность.

жем за гоем, который действительно носит фамилию одного из прибывших на «Мэйфлауэре». Хорошо, что мама хотя бы не накрыла свой «Ногехайд» полиэтиленовой пленкой, как делала бабушка Фанни, когда я была маленькой.

Сегодня, как только я вошла, в глаза мне бросилось другое мамино приобретение, затмившее диван.

– Ух ты, бабуля! – восторженно шепчет Вера. – Там кто-нибудь есть?

Быстро опустившись на колени, она стучит в отполированную до блеска стенку продолговатого ящика из красного дерева. Если бы сегодня был нормальный день, я бы сейчас щупала и нюхала мускусные дыни, выбирая ту, которая поспелее, или, вручив мистеру Ли тринадцать долларов сорок центов, забирала у него семь рубашек, до того накрахмаленных, что, когда кладешь их на заднее сиденье машины, они лежат там, как обрубки тел.

– Мама, что гроб делает у тебя в гостиной?!

– Это не гроб, Мэрайя. Видишь стекло сверху? Это гробовой столик.

– Гробовой столик?

В доказательство своих слов мама ставит на стекло кофейную кружку:

– Видишь?

– И все-таки у тебя в гостиной гроб, – повторяю я, не в силах переступить через этот камень преткновения.

Мама садится на диван и кладет на свой гробовой столик

ноги:

– Знаю, дорогая. Сама выбирала.

Я хватаюсь за голову:

– Ты же только что была у доктора Фельдмана, и он сказал, что ты, может, всех нас переживешь, если будешь регулярно принимать таблетки от давления.

– Когда это случится, – пожимает плечами мама, – у тебя будет одной заботой меньше.

– Ради бога, мама! Ты обиделась из-за того, что Колин упомянул о новом жилом комплексе для пожилых людей? Клянусь, он просто думал, что тебе было бы...

– Успокойся, милая. В ближайшее время я не собираюсь сыграть в ящик. Просто в гостиной нужен стол, а у этого такой приятный цвет. Его изготовил мастер из Кентукки, про которого я видела сюжет по телевизору.

Вера растягивается на полу возле гроба.

– Ты можешь в нем спать, бабуля, – предлагает она. – Будешь как Дракула.

– Признайся: за такое качество и помереть не жалко, – говорит мама.

Вот уж действительно качество – умереть не встать! А если серьезно, то гроб очень красивый: отполированное красное дерево блестит, как морская гладь, все скосы и соединения выполнены безукоризненно, петли сверкают, как маячки.

– К тому же цена хорошая, – добавляет мама.

– Только, пожалуйста, не говори мне, что он уже был в употреблении.

Мама фыркает и смотрит на Веру:

– Твоей мамочке не мешало бы немного расслабиться.

В той или иной форме я выслушиваю от нее это пожелание уже несколько лет. Но дело в том, что, когда я расслабилась в последний раз, потом еле смогла себя собрать.

Мама опускается на пол рядом с Верой, и они вместе тянут за медные ручки. Их светлые волосы – мамины крашенные и дочкины естественные – соприкасаются, так что не поймешь, где чьи. Вдвоем им удастся сдвинуть гроб на несколько дюймов. На ковре остается вмятина, которую я пытаюсь загладить своей подошвой.

Нам с Колином повезло больше, чем многим. Мы поженились рано, но до сих пор живем вместе, хотя далеко не все на нашем пути было гладко. Наверное, это отчасти объясняется какой-то химией. Я знаю: когда Колин на меня смотрит, то не видит ни десяти фунтов, которые я так и не сбросила после родов, ни тонких седых прядок. Для него мое тело остается таким, каким было в студенческие годы. Кожа нежная и упругая, волосы струятся по спине. Он запомнил меня на пике моей формы и время от времени говорит, что я его лучшее воспоминание.

Изредка мы ужинаем с его коллегами, коллекционирующими жен, как трофеи. И тогда я понимаю, до чего же мне

повезло с Колином. Держа руку у меня на спине, менее загорелой и подтянутой, чем у молоденьких моделей, он гордо произносит: «Моя жена». Я улыбаюсь. Быть его женой – это все, что мне нужно.

– Мамочка!

Дождь пошел опять. По дороге хоть на лодке плыви, а я всегда довольно неуверенно чувствовала себя за рулем.

– Ш-ш-ш! Мне нужно сосредоточиться.

– Но мамочка! – настаивает Вера. – Это очень-преочень важно!

– Нам с тобой очень-преочень важно доехать до твоей балетной школы и не убиться.

На одну секунду воцаряется благословенная тишина. Но потом Вера начинает пинать сзади мое кресло.

– Я не взяла балетный купальник, – хнычет она.

– Не взяла? – Я съезжаю на обочину и, повернувшись, смотрю на дочку.

– Не-а. Я не знала, что на занятие мы поедем прямо от бабушки.

Я чувствую, как по шее разливается краска досады: мы ведь всего каких-нибудь двух миль не доехали до танцевальной студии!

– Господи, Вера! Чего же ты раньше молчала?!

Ее глазки наполняются слезами.

– Я только сейчас поняла, что мы едем на балет.

Я ударяю рукой по рулю, сама не зная, на кого сержусь: на Веру, на маму, на дождь или на вышедшую из строя оросительную систему в продуктовом магазине. Так или иначе, благодаря им всем день можно считать испорченным.

– Мы ездим на балет каждую среду после ланча! – Я разворачиваю машину, стараясь не слушать совесть, которая подсказывает мне, что я очень уж сурова с малышкой, ведь ей всего семь лет.

– Не хочу домой! – кричит Вера, плача. – Хочу на балет!

– Мы только заедем за твоим купальником и поедем на занятие, – говорю я сквозь зубы.

Это значит, мы опоздаем на двадцать минут. Я представляю себе, какими взглядами встретят нас другие мамы, когда мы ворвемся в студию посреди урока. Мамы, которые, несмотря на потоп, смогли привезти детей вовремя. Мамы, которым не так тяжело делать вид, будто им легко.

Мы живем в столетнем фермерском коттедже. С одной стороны его окружает глухая каменная стена, а с другой – начинается лес, который и занимает большую часть участка в семь акров за домом. А спереди, прямо под окнами, проходит дорога. Ночью полосы света от фар бегают по нашим постелям, как луч маяка. Коттедж полон противоположностей, притягивающих друг друга: просевшее крыльцо и новенький стеклопакет, ванна на львиных лапах и массажный душ, Колин и я. Подъездная дорожка дважды ныряет и снова взбегает вверх: один раз возле выезда на шоссе и один раз

у самого дома. Когда мы на нее сворачиваем, Вера восторженно ахает:

– Папа приехал! Хочу к нему!

Я тоже к нему хочу. Причем всегда. Видимо, он прилетел пораньше и заехал домой на ланч, прежде чем отправиться в офис. Я опять вспоминаю о других мамашах, которые уже припарковались перед балетной студией, но теперь мне кажется, что ради того, чтобы повидать Колина, опоздать на двадцать минут совершенно не жалко.

– Мы только поздороваемся с папой, ты возьмешь свой купальник, и мы сразу уедем.

Вера вбегает в дом, как марафонец, разрывающий грудью финишную ленточку.

– Папа! – кричит она, но ни в кухне, ни в гостиной никого нет.

Только портфель, стоящий на середине стола, свидетельствует о том, что Колин приехал. Слышен шум воды в старых трубах.

– Он принимает душ, – говорю я, и Вера тут же бежит вверх.

– погоди! – кричу я ей вслед.

Вряд ли Колин обрадуется, если выйдет из ванной голый, а тут она.

Я тоже взбегаю по лестнице и раньше Веры успеваю взяться за ручку закрытой двери спальни:

– Давай сначала я войду, ладно?

Колин, стоя возле кровати, оборачивает полотенце вокруг бедер. Увидев на пороге меня, он застывает.

– Привет, – с улыбкой говорю я и утыкаюсь макушкой под его подбородок, и Колин слегка обнимает меня. – Удивлен? Заходи, Вера, – киваю я дочке, – папа почти одет.

– Папочка! – кричит она и, разбежавшись, целит отцу прямо в пах.

Мы не раз смеялись над этой ее привычкой. Даже сейчас, обнимая меня, Колин инстинктивно съеживается.

– Привет, Кексик, – говорит он, глядя куда-то поверх Вериной головы, как будто ждет, что на пороге вот-вот появится еще один ребенок.

Из-под запертой двери ванной выползает пар.

– Мы можем включить Вере мультики, – шепчу я. – Это на случай, если ты хочешь, чтобы кто-то потер тебе спинку.

Вместо ответа Колин неловко высвобождается из Вериных рученок, обхвативших его за талию.

– Дорогая, может, тебе лучше...

– Что?

Мы все оборачиваемся на звук чьего-то голоса. Дверь ванной распахивается, и в спальню входит мокрая женщина, кое-как прикрывающая себя полотенцем. Очевидно, она решила, что Колин обращается к ней.

– О господи! – Покраснев, она опять скрывается в ванной и захлопывает за собой дверь.

Я вижу, как Вера выбегает из спальни, а Колин бежит за

ней, слышу, как выключается душ. Колени сами собой подгибаются, и вот я уже сижу на кровати – на нашем супружеском одеяле с узором из колец. Колин купил его в Пенсильвании, в Ланкастере, у мастерицы-меннонитки. Она еще сказала, что кольцо не имеет конца и потому символизирует идеальный брак. Я закрываю лицо руками. «О боже! – думаю я. – Опять».

Книга первая

Ветхий Завет

Глава 1

*...Равно —
Мы спим ли, бодрствуем, — во всем, везде
Созданий бестелесных мириады
Незримые для нас...*

Дж. Мильтон. Потерянный рай³

В моей жизни происходили некоторые события, о которых я теперь не люблю говорить.

Например, мне, тринадцатилетней девочке, пришлось отвозить собаку на усыпление. А в старшей школе я пришла при полном параде на выпускной бал, но весь вечер просидела у окна: ни один мальчик ко мне не подошел. Еще я предпочитаю помалкивать о чувстве, которое испытала, когда впервые увидела Колина.

Вернее, об этом я, конечно, немного говорю, но стараюсь не упоминать о том, как сразу же поняла, что мы друг другу не пара. Колин был футбольной звездой колледжа. Его тре-

³ Здесь и далее цитаты из поэмы даны в переводе А. Штейнберга.

нер пригласил меня, чтобы я подготовила Колина к экзамену по французскому. Он поспорил с ребятами из своей команды, что поцелует меня, и поцеловал: робко, обыкновенно, заученно. Однако, несмотря на свое смущение, я почувствовала себя так, будто на губах осталась позолота.

Я прекрасно понимаю, почему влюбилась в Колина, а вот почему он влюбился в меня – никогда не смогу понять.

Он говорил, что со мной становится другим человеком и быть таким ему нравится больше, чем равняться на разбитных парней из их студенческого союза. Говорил, что ему приятно, когда ценят его самого, а не его спортивные достижения. Я самой себе казалась недостаточно высокой, эффектной и изысканной для него, но предпочитала верить ему, когда он принимался меня разубеждать.

Через пять лет выяснилось, что я все-таки была права, и вот об этом я действительно не говорю.

Еще я не говорю о том, как он избегал смотреть мне в глаза, когда отправлял меня в психушку.

Пытаясь открыть заплывшие глаза, я делаю над собой нечеловеческое усилие. Веки решительно намерены оставаться сомкнутыми, чтобы не позволить мне увидеть еще что-нибудь, способное перевернуть мир с ног на голову. Но вот кто-то дотрагивается до моей руки. Наверное, Колин – кто же еще? Я все-таки приоткрываю маленькую щелочку, в глаза сразу бьет колкий, как заноза, свет.

– Мэрайя, – успокаивающе произносит мама, убирая волосы с моего лба, – ну как ты себя чувствуешь? Получше?

– Нет.

Я не чувствую себя никак. Уж не знаю, какие лекарства назначил по телефону доктор Йохансен, но кажется, будто меня закутали в толстый гибкий кокон, который двигается вместе со мной, защищая от того, что может причинить боль.

– Пора вставать, – безапелляционно заявляет мама и начинает стаскивать меня с кровати.

– Я не хочу в душ, – говорю я, норовя свернуться в клубок.

– Я тоже не хочу, – ворчит мама.

В прошлый раз она вошла в мою комнату, чтобы затащить меня в ванную, под холодную воду.

– Ты сядешь, черт возьми, даже если ради этого мне придется прежде времени отправиться на тот свет!

Я вспоминаю про гробовой столик и про урок танцев, на который Вера три дня назад так и не попала. Высвобождаюсь из маминой хватки, закрываю лицо руками, и свежие слезы катятся по лицу, как расплавленный воск.

– Ну что со мной не так?!

– С тобой все так, как бы твой кретин ни пытался запудрить тебе мозги. – Мама прикладывает ладони к моим горящим щекам. – Ты ни в чем не виновата, Мэрайя. Такие вещи предотвратить невозможно. Колин просто не стóбит земли, по которой ходит. – Для пущей убедительности она плюет на ковер. – Теперь подымайся, чтобы я могла привести Веру.

– Она не должна видеть меня такой! – встрепелувшись, говорю я.

– Значит, стань другой.

– Это не так просто...

– А ты постарайся, – настаивает мама. – Сейчас речь не о тебе, Мэрайя. Подумай о дочке. Ты хочешь совсем расклеиться? Ладно, только сначала взгляни на Веру. Ты знаешь, что я права. Иначе бы не вызвала меня сюда, чтобы я присматривала за ней все эти три дня. – Смягчившись, мама добавляет: – У твоей дочери есть отец-идиот и ты. Что из этого получится, зависит от тебя.

Луч надежды на секунду пробивает мою броню.

– Вера просилась ко мне?

– Нет... – поколебавшись, отвечает мама, – но это еще ничего не значит.

Она выходит, а я поправляю подушки у себя за спиной и вытираю глаза уголком одеяла. Мама возвращается, ведя на буксире Веру. Та останавливается в двух футах от кровати.

– Привет! – говорю я и улыбаюсь, как заправская актриса.

В первые мгновения я просто люблю дочь: ее криво проведенным пробормом, дырочкой на месте выпавшего переднего зуба, облупившимся розовым лаком на ноготках. Вера скрещивает ручонки и упрямо расставляет тонкие, как у жеребенка, ножки. Красивый ротик сжимается в ровную линию.

– Не хочешь посидеть со мной? – предлагаю я.

Вера не отвечает. Она вообще почти не дышит. Почувствовав внезапную боль, я понимаю, что с ней происходит. В ее возрасте я тоже верила, что если замереть и не двигаться, то и весь окружающий мир замрет.

– Вера... – Я протягиваю к ней руку, но она отворачивается и уходит.

Одна часть меня хочет ее догнать. У другой – у той, которая больше, – нет на это душевных сил.

– Она со мной не разговаривает. Почему?

– Ты мать. Ты и выясни.

Я не могу. Единственное, что я действительно знаю, – это границы моих возможностей, а потому поворачиваюсь на бок и закрываю глаза, надеясь, что мама догадается: сейчас ей лучше оставить меня в покое.

– Вот увидишь, – тихо говорит она, положив руку мне на голову, – Вера поможет тебе это пережить.

Я притворяюсь спящей и не выдаю себя ни когда слышу мамин вздох, ни когда сквозь ресницы вижу, как она убирает с моего ночного столика универсальный нож и маникюрный набор.

Несколько лет назад, когда я застала Колина в постели с любовницей, то вытерпела три ночи, а потом попыталась наложить на себя руки. Колин меня нашел и отправил в больницу. Врачи скорой помощи сказали ему, что успели меня спасти, но это не так. В ту ночь я словно бы потерялась. Пе-

рестала быть собой. О той женщине, в которую я превратилась, мне теперь даже слышать не хочется. Себя я в ней не узнаю. Я не могла есть, не могла говорить, у меня не хватало сил отбросить одеяло и встать с постели. В голове застряла одна мысль: если я больше не нужна Колину, то зачем я нужна вообще?

Сообщая о том, что меня забирают в Гринхейвен, он заплакал. Попросил прощения, но за руку не взял, не поинтересовался, чего я хочу, не посмотрел мне в глаза. Он сказал, что мне нужно лечь в больницу, чтобы не быть одной.

А я и не была одна. Уже несколько недель я была беременна Верой. Я знала о ней еще до того, как пришли результаты анализов и курс моего лечения скорректировали с учетом особенностей организма беременной женщины, склонной к суициду. Я решила не предупреждать врачей о ребенке: предоставила им разбираться самим. И только годы спустя призналась себе в том, что молчала не просто так, а надеясь на выкидыш. Я внушила себе, будто именно малыш – комочек клеток внутри меня – вынудил Колина уйти к другой женщине.

Ну а теперь моя мать говорит, что дочка не позволит мне бесповоротно увязнуть в депрессии, и это, пожалуй, не так далеко от истины. Ведь Вере уже приходилось меня спасать. Там, в Гринхейвене, моя беременность превратилась из обузы в преимущество. Люди, которые поначалу и слушать меня не хотели, стали заходить ко мне, чтобы посмотреть на

мой округляющийся живот и похвалить мои порозовевшие щеки. Колин, узнав о ребенке, вернулся ко мне. Я дала дочке гойское, как говорит мама, имя Вера, потому что мне было жизненно необходимо во что-нибудь поверить.

Я сижу с телефоном в руке. Мне кажется, Колин с минуты на минуту позвонит и скажет, что у него помутился рассудок. Будет умолять меня простить ему это кратковременное сумасшествие. Ведь кому, как не мне, понимать такие вещи!

Но телефон не звонит. Примерно в два часа ночи я слышу возле дома какой-то шум. «Это Колин! – думаю я. – Приехал!»

Бегу в ванную и онемевшими от бездействия руками распутываю волосы. Проглатываю целый колпачок ополаскивателя для рта. Потом несусь вниз по лестнице. Сердце стучит.

Темно. В холле никого нет. Я крадучись подхожу к входной двери и выглядываю в одно из окошек, обрамляющих ее. Потом осторожно отпираю замок и, скрипнув дверными петлями, выхожу на старое крыльцо.

Оказывается, это не Колин вернулся домой, а два енота роются в мусорном баке.

– Пошли вон! – кричу я, взмахивая руками.

Мой муж ставил для таких ночных гостей безопасную ловушку – клетку с захлопывающейся дверью. Когда пойманный зверек начинал кричать, Колин относил его в лес и там выпускал. А потом возвращался домой с пустой клеткой и

говорил: «Абракадабра! Был енот – нет енота!»»

Вместо того чтобы подняться в спальню, я заглядываю в столовую. Лунный свет отражается от полировки овального стола, в центре которого стоит миниатюрная копия нашего коттеджа. Этим я зарабатываю себе на жизнь: строю дома мечты, но не из бетона и двутавровых балок, а из палочек не толще зубочистки и из лоскутков атласа размером с ладошку. Строительным раствором служит обычный клей. Чаще всего люди заказывают копии собственных домов, но я могу сделать и старинный особняк, и арабскую мечеть, и мраморный дворец.

Свой первый кукольный домик я сделала семь лет назад в Гринхейвене. Пока другие пациенты плели мексиканский амулет «Божий глаз» или складывали оригами, я возилась с палочками от эскимо и картоном. Даже в первой моей постройке было место для всех необходимых предметов мебели, и каждому воображаемому обитателю предназначалась своя комната. С тех пор я построила около пятидесяти домиков. После того как Хиллари Клинтон заказала к шестнадцатилетию своей дочери Челси точную копию Белого дома, с Овальным кабинетом, фарфором в стеклянных шкафчиках и сшитым вручную флагом США, я стала известной. Заказчики часто просят меня делать в дополнение к домикам еще и кукол, но от этого я отказываюсь. Пианино, даже если оно крошечное, – все равно пианино. А вот кукла, как ни вытячивай ее ручки и ножки, как ни расписывай личико, никогда

человеком не станет. В груди у нее будет только дерево.

Я выдвигаю стул, сажусь и осторожно провожу пальцем по крыше нашего дома, по столбикам, поддерживающим навес над крыльцом, по шелковым бегониям в терракотовых горшках. В миниатюрной столовой стоит стол из вишневого дерева, такой же, как тот, за которым я сейчас сижу, а на нем – крошечный домик, макет макета.

Легким щелчком пальца я захлопываю входную дверь кухольного коттеджа, опускаю оконные рамы размером с почтовую марку. Задвигаю микроскопические щеколды на ставенках. Переношу бегонии на лилипутское крылечко. В общем, закрываю дом так, словно на него надвигается буря.

Колин позвонил только через четыре дня после того, как ушел.

– Это не должно было случиться так, – говорит он, видимо имея в виду, что мы с Верой не должны были ему помешать.

Наверное, мы невольно ускорили события. Но я, конечно, оставляю эту свою догадку при себе.

– У нас не получится, Мэрайя. Ты же знаешь...

Я кладу трубку, не дав ему договорить, и с головой накрываюсь одеялом.

После ухода Колина прошло уже пять дней, а Вера по-прежнему не разговаривает. Передвигаясь по дому беззвучно, как кошка, она возится со своими игрушками, берет из

тумбочки видеокассеты, а на меня все время поглядывает с подозрением. Каким-то образом пробивая себе дорогу через ее молчание, моя мама догадывается, что внучка хочет на завтрак овсяную кашу, не может дотянуться до конструктора, стоящего на верхней полке, или ей нужно попить воды перед сном. Может, они общаются с помощью тайного языка? Я сама Веру не понимаю, а она отказывается со мной общаться, и это заставляет меня думать о Колине еще чаще.

– Сделай что-нибудь, – твердит мне мама. – Она же твоя дочь.

Биологически – да. Но общего у нас мало. Зато со своей бабушкой Вера так близка, будто просто перепрыгнула через поколение. Они обе преуспели в искусстве капризничать, обе отличаются резиновой гибкостью, а значит, и жизнестойкостью. Потому-то и странно видеть Веру неприкаянно слоняющейся из угла в угол.

– Что я могу сделать? – спрашиваю я.

– Поиграй с ней, – пожимает плечами мама. – Скажи, что любишь ее.

Ох, если бы это было так просто! Я действительно люблю Веру с рождения, но не так, как вы, наверное, думаете. Она стала для меня облегчением. Я была уверена, что, после того как я сначала мечтала о выкидыше, а потом несколько месяцев сидела на прозаке, ребенок родится с тремя глазами или с заячьей губой. Роды прошли легко, девочка оказалась здоровой. Но в наказание за дурные мысли ко мне пришло

понимание того, что я не смогу сделать ее счастливой. Связь между нами порвалась, не успев возникнуть. Веру мучили колики. Целыми ночами она не давала мне спать, а когда я кормила ее, с ожесточением меня кусала. Иногда, невыспавшаяся и встревоженная, я укладывала ее в кроватку, вглядывалась в мудрое круглое личико и думала: «Что же я с тобой делаю?»»

Раньше я считала, будто материнские чувства приходят к женщине сами собой. Точно так же, как появляется молоко. Это немножко болезненно и немножко страшно, но, как бы то ни было, это становится частью тебя. И я терпеливо ждала. Ну и что, если я не умею ставить своему ребенку ректальный градусник? Ну и что, если у меня пока плохо получается пеленать? В один прекрасный день я проснусь и начну все делать правильно.

После того как Вере исполнилось три года, я перестала надеяться. По какой-то причине материнство до сих пор дается мне тяжело. Я удивляюсь женщинам, которые, имея много детей, легко и быстро усаживают их всех в машину. Сама же я не успокоюсь, пока три раза не проверю, достаточно ли хорошо Вера пристегнута. Когда я вижу, как другие мамы наклоняются к своим детям, чтобы что-то сказать, я стараюсь запоминать их слова.

При мысли о необходимости докапываться до причин Вериного упрямого молчания у меня сводит желудок. Вдруг я не справлюсь? Какая же я в таком случае мать?

– Я не готова, – отпираюсь я.

– Бога ради, Мэрайя! Оденься, причешись, начни вести себя как нормальная женщина, и не успеешь оглянуться, как перестанешь притворяться, – говорит мама и, покачав головой, добавляет: – Колин десять лет внушал тебе, что ты увядающая фиалка, и ты, дурочка, ему поверила. Только много ли он понимает? На самом деле он просто до нервного срыва тебя довел.

Она ставит передо мной чашку кофе. Я знаю: для нее это уже победа, что я сижу за кухонным столом, а не валяюсь в кровати. Когда меня упрятали в психушку, она жила в Скоттсдейле, в штате Аризона, куда переехала после смерти моего отца. Но, узнав о том, что я пыталась покончить с собой, немедленно прилетела и оставалась со мной до тех пор, пока опасность, по ее ощущениям, не миновала. Мама, конечно, не ожидала, что Колин запихнет меня в дурдом. Когда ей стало об этом известно, она продала свой кондоминиум, вернулась и четыре месяца ходила по юристам, добиваясь судебного постановления, запрещающего удерживать меня в больнице принудительно. Она решила, что, сдав меня в Гринхейвен, Колин повел себя как предатель, и до сих пор не простила его за это. Ну а я? Даже не знаю... Иногда я соглашаюсь с мамой: дескать, в каком бы состоянии я тогда ни находилась, он все равно не имел права решать за меня. А иногда я понимаю, что Гринхейвен – одно из немногих мест на земле, где мне было комфортно. Ведь там ни от кого не

ждали совершенства.

– Колин – шмок, козел, – без церемоний заявляет мама. – Слава богу, Вера пошла в тебя. Помнишь, – мама хлопает меня по плечу, – в пятом классе ты однажды получила «В»⁴ с минусом за тест по математике? Ты так ревела, будто ждала, что мы с отцом тебя растерзаем. А мы даже несколько не огорчились. Ты написала как смогла. Ты старалась, и это главное. А вот теперь о тебе такого не скажешь. – Через открытую дверь кухни мама заглядывает в гостиную, где Вера рисует восковыми мелками. – Разве ты до сих пор не поняла, что воспитание ребенка – это работа, которую нельзя останавливать никогда?

Вера берет оранжевый мелок и яростно возюкает им по бумаге. Я вспоминаю, как в прошлом году она учила буквы: нацарапает на листке длинный ряд согласных и спрашивает меня, что получилось. «Фрзввлкг», – отвечаю я, и она почему-то смеется.

– Иди уже, – толкает меня мама.

Войдя в гостиную, я сразу же опрокидываю коробку с мелками.

– Извини, – говорю я и начинаю пригоршнями складывать их в жестяную коробку из-под печенья «Орео»; закончив, я встаю, но Вера смотрит на меня по-прежнему холодно. – Из-

⁴ В большинстве учебных заведений США используется шкала оценивания знаний «А – F», где «А» приблизительно соответствует пятерке, «F» – двойке, а «В» – четверке.

вини, – повторяю я, имея в виду уже не мелки.

Вера не отвечает. Тогда я смотрю на ее рисунок: она изобразила летучую мышь и ведьму, пляшущую у костра.

– Ух ты! Просто замечательно! – Я беру листок и внимательно его рассматриваю. – Можно я возьму рисунок себе? Повешу внизу, в своей мастерской?

Вера наклоняет голову, забирает у меня рисунок и рвет его пополам. Затем взбегает по лестнице и хлопает дверью своей комнаты. Мама выходит из кухни, вытирая руки полотенцем.

– Твой совет не совсем помог, – говорю я сухо.

– Нельзя изменить мир за одну ночь, – пожимает она плечами.

Подобрав половинки Вериного произведения, я провожу пальцем по обильно навощенному изображению ведьмы и говорю:

– Думаю, это я.

Мама бросает в меня полотенце, и я кожей ощущаю неожиданную прохладу.

– Ты думаешь слишком много.

В тот же вечер, чистя зубы, я смотрюсь в зеркало и нахожу себя небезобразной. Этому я научилась, когда лежала в Гринхейвене. Тамошние санитарки, медсестры и врачи обращали мало внимания на тех, кто ходил растрепанный и все время ныл. Зато симпатичные лица всех привлекали.

Если человек следил за собой, его выслушивали, ему отвечали. Поэтому я постриглась и стала укладывать волосы короткими медовыми волнами. Начала краситься, чтобы обыгрывать зеленоватый оттенок глаз. За эти несколько месяцев я потратила на свою внешность больше времени, чем за всю предшествующую жизнь.

Вздыхнув, я наклоняюсь поближе к зеркалу и стираю зубную пасту в уголке рта. Это зеркало мы с Колином повесили, когда въехали в этот дом. У старого зеркала была трещина в углу. «Плохая примета», – сказала я. А вот куда повесить новое, мы не знали, потому что у нас с Колином большая разница в росте – целый фут. Когда я приложила зеркало так, как было удобно мне, он рассмеялся: «Я выше груди ничего не вижу!» И мы повесили так, как было удобно ему. Теперь мне, чтобы рассмотреть свое лицо, приходится вставать на цыпочки. Я никогда не соответствовала стандартам Колина.

Среди ночи я чувствую, как мое одеяло шевелится. Легкое дуновение касается босых ног. Что-то мягкое и одновременно твердое прижимается ко мне. Я поворачиваюсь на бок и обнимаю Веру. «Вот так должно было бы быть...» – шепчу я сама себе, но в горле встает ком, прежде чем я успеваю закончить мысль. Верины ручки оплетают меня, как виноградная лоза. Она уткнулась макушкой мне под подбородок, и я чувствую запах ее волос – запах детства.

Моя мама всегда говорила: «Если станет совсем немого-

ту, ты знаешь, к кому обратиться». А еще она говорит, что умение быть семьей – это не социальный конструкт, это инстинкт.

Наши фланелевые ночные рубашки цепляются друг за друга. Я молча поглаживаю Веру по спине: боюсь сказать что-нибудь, что разрушит эту удачу. Жду, когда выровняется ее дыхание, и только потом засыпаю сама. Уж это я умею.

Наш городок Нью-Ханаан достаточно большой, чтобы иметь собственную гору, и достаточно маленький, чтобы в укромных уголках старых магазинчиков и лавчонок передавались из уст в уста всевозможные сплетни. Здесь много ферм, много незастроенных участков. Простые люди живут здесь бок о бок с теми, кто сделал карьеру в Хановере или Нью-Лондоне и решил вложить заработанные деньги в недвижимость. У нас есть бензоколонка, старое футбольное поле и оркестр, играющий блюграсс. Еще есть адвокат – Дж. Эверс Стэндиш. По дороге на шоссе 4 и обратно я много раз проезжала мимо этой вывески.

Через шесть дней после ухода Колина раздается звонок в дверь. Я открываю и вижу помощника шерифа, который спрашивает, я ли миссис Мэрайя Уайт. «Уж не попал ли Колин в аварию?» – первое, что приходит мне в голову. Однако помощник шерифа достает из кармана какой-то конверт и протягивает мне.

– Сожалею, мэм, – говорит он и уходит, прежде чем я

успеваю спросить, что же он мне вручил.

Документ, с которого начинается расторжение брака, называют жалобой. Как я узнала через несколько месяцев, Нью-Гэмпшир – единственный штат, где эту маленькую бумажку, способную полностью изменить чью-то жизнь, до сих пор называют именно жалобой, а не иском и не ходатайством, как будто, даже если процесс протекает мирно, кляуза все равно является его неотъемлемой частью. К записке прикреплен лист бумаги, на котором написано, что против меня возбуждено дело о разводе.

Через полчаса после получения документа я уже сижу в офисе адвоката Дж. Эверс Стэндиш. Вера, забившись в угол, играет в выдавшую виды железную дорогу. Я бы не притащилась сюда с ребенком, но мама на целое утро куда-то уехала – сказала, что готовит нам обеим сюрприз. Дверь кабинета открывается, и высокая элегантная брюнетка протягивает мне руку:

– Здравствуйте, я Джоан Стэндиш.

– Вы? – удивленно переспрашиваю я.

Годами проезжая мимо этого здания, я представляла себе, что Дж. Эверс Стэндиш – пожилой мужчина с бакенбардами.

– Когда в прошлый раз я заглядывала в свое удостоверение личности, там было написано это имя, – смеется адвокат и, взглянув на Веру, увлеченную строительством тоннеля, обращается к своей секретарше: – Нэн, присмотрите, пожалуйста, за дочкой миссис Уайт.

Джоан Стэндиш входит в свой кабинет, я автоматически слеую за ней, словно меня ведут на веревке. Как ни странно, я не огорчена. Вернее, мое нынешнее огорчение не сравнить с тем, что я испытала в день, когда Колин ушел. Эта «жалоба» показалась мне чем-то уж слишком откровенно нелепым. Анекдотом, финал которого угадываешь заранее. Через несколько месяцев, когда свет в нашей спальне будет погашен, мы над всем этим посмеемся в объятиях друг друга.

Джоан Стэндиш объясняет мне смысл полученного мной документа. Спрашивает, не нужен ли мне психотерапевт. Просит рассказать, что случилось. Говорит о том, как работает механизм расторжения брака, о свидетельствах финансовой состоятельности, об опеке над детьми. А у меня перед глазами кружатся стены. Мне не верится, что на подготовку к свадьбе уходит год, а развод оформляется всего за шесть недель. Как будто за время, разделяющее эти два события, чувства так мельчают, что стоит человеку рассерженно дунуть – и их нет.

– Как вы думаете, Колин будет настаивать на совместной опеке над вашей дочерью?

– Не знаю. – Я в упор смотрю на адвоката.

Я не могу себе представить, чтобы Колин жил без Веры. Но и себя без Колина я представить не могу. Джоан Стэндиш встает, подходит ко мне поближе и садится на стол:

– Я ни в коем случае не хочу вас обидеть, миссис Уайт, – она прищуривается, – но вы кажетесь... немного отстранен-

ной от всего этого. Это, знаете ли, типичная реакция: люди просто отрицают то, чему уже дан официальный ход, и в результате оказываются раздавлены. Вам необходимо осознать, что ваш муж уже запустил юридическую машину, которая аннулирует ваш брак. – (Я открываю рот, но тут же закрываю его.) – Вы что-то собирались сказать? – спрашивает Джоан Стэндиш. – Если вы хотите, чтобы я представляла ваши интересы, то должны мне доверять.

– Просто... – начинаю я, глядя вниз, – раньше у нас уже было подобное. Что, если... Что, если он решит вернуться?

Она подается вперед, опершись локтями о колени:

– Миссис Уайт, вы и в самом деле не видите разницы между тем разом и этим? В тот раз ваш муж тоже причинил вам боль? – (Я киваю.) – Но он обещал измениться? Он вернулся к вам? – Она мягко улыбается. – А подавал ли он в тот раз на развод?

– Нет, – тихо отвечаю я.

– Вот видите. Разница в том, – говорит Джоан Стэндиш, – что в этот раз он оказал вам услугу.

Мы сидим в цирке. В первом ряду.

– Ма, – спрашиваю я, – как тебе удалось достать такие билеты?

Мама пожимает плечами.

– Я переспала с инспектором манежа, – шепчет она и смеется над собственной шуткой.

Ее вчерашний сюрприз заключался в том, что она поехала в Конкорд и купила нам билеты на представление Цирка братьев Ринглинг в Бостоне. Она решила, что Вере, чтобы снова начать разговаривать, нужны свежие впечатления. А услышав от меня про бракоразводный иск, сказала: «Вот и замечательно! Поездкой в Бостон мы и отпразднуем это дело!»

По залу ходит разносчик фруктового льда. Мама подзывает его и покупает один рожок для Веры. На арене клоуны. Некоторые их репризы кажутся мне знакомыми. Может ли такое быть, чтобы репертуар не обновлялся несколько десятков лет? Артист с белым лицом и нарисованной синей улыбкой останавливается прямо перед нами, наклоняется над низким бортиком, показывает пальцем сначала на свои подтяжки в горошек, потом на Верину кофточку, тоже в горошек, и хлопает в ладоши. Когда Вера заливается краской, он одними губами говорит ей: «Привет!» Она, широко раскрыв глаза, так же беззвучно отвечает. Тогда клоун достает из кармана примерный карандаш и, взяв Веру за подбородок, рисует ей через все личико улыбку и нотки на шее. Подмигнув, он отскакивает от бортика, чтобы идти развлекать другого ребенка, но в последний момент возвращается. Прежде чем я успеваю увернуться, он протягивает прохладную руку к моему лицу и рисует мне под левым глазом темно-синюю слезу, тяжелую от горя.

Я этого не помню, но в детстве я однажды попыталась сбежать из дому с бродячим цирком. Родители приводили меня в «Бостон-гарден» каждый раз, когда братья Ринглинг давали там представление. Сказать, что я любила цирк, – это было бы слишком слабо. В предвкушении волшебного вечера я несколько недель просыпалась по ночам: голова кружилась от сальто, в глазах рябило от блесков, а мои простыни, как мне казалось, пахли тиграми, пони и медведями. Когда меня наконец приводили в сказочный шатер, я изо всех сил старалась поменьше моргать, чтобы ничего не пропустить. Я знала, что цирковые представления имеют свойство таять так же быстро, как сахарная вата во рту.

Когда мне было семь лет, меня заворожила девочка, выступающая со слоном, дочка инспектора манежа. Уверенная в себе и вся сверкающая, она забралась на хобот огромного слона и, балансируя, взбежала по нему вверх так легко, как я иногда взбегала по горке на детской площадке. Потом она уселась на толстую слоновью шею, крепко обхватив ее ногами, и все время, пока кружила по арене, смотрела на меня, словно бы спрашивая: «Хочешь быть такой, как я?»

В тот раз мама, как обычно, вывела меня из зала за десять минут до антракта, чтобы мы успели попасть в туалет, прежде чем соберется очередь. Мы обе втиснулись в маленькую кабинку, и, пока я писала, взобравшись на унитаз с ногами, мама стояла надо мной в позе джинна, скрестив руки. А потом сказала: «Теперь я. Подожди».

Она говорит, что я никогда не переходила дорогу, не взяв ее за руку, не трогала кухонную плиту и даже в младенчестве не засовывала в рот мелких предметов. Но в тот вечер я поднырнула под дверцу туалетной кабинки и исчезла.

Я этого не помню. Не помню и того, как проскочила мимо охраны в зеленой униформе, как выбежала на огромную открытую площадку, где стояли трейлеры циркачей. Конечно же, не помню, как инспектор манежа объявил о том, что я потерялась, как по залу пробежал ропот, как родители до конца представления меня искали. Не помню циркача с набеленным мелом лицом, который, найдя меня, изрек: «Это чудо, что ее не затоптали и не закололи». Боюсь даже представить себе, что пережили мама с папой, когда увидели меня уютно примостившейся между смертоносными бивнями спящего слона. В моих волосах запуталась грязная солома, а слоновий хобот, как рука старого друга, обнимал мои плечи.

Не знаю, зачем я все это рассказываю. Может быть, я надеюсь, что чудеса, подобно телосложению и цвету глаз, передаются по наследству.

Девочка, выступавшая со слонем, повзрослела. Я, конечно, не совсем уверена, но, по-моему, у женщины в блестящем костюме, которая вышла сейчас на арену, те же золотисто-рыжие волосы и мудрые глаза, что были у той девочки. Она проводит по кругу слоненка и бросает ему фиолетовый мячик. Грациозно кланяется, слон машет хоботом над

ее плечом. Потом из боковой кулисы выходит ребенок – маленькая девочка, до того похожая на ту, которую я запомнила, что мне кажется, будто под куполом цирка остановилось время. Видя, как дрессировщица помогает девочке взобраться на слоненка, я понимаю, что они мать и дочь.

Они смотрят друг на друга, и это заставляет меня взглянуть на Веру. Глазки моей дочери ярко горят, отражая блески цирковых костюмов. Вдруг клоун, который подходил к нам раньше, нагибается над бортиком и, усиленно жестикулируя, подзывает Веру к себе. Та кивает и, перебравшись через ограждение, падает ему в руки. Машет нам и весело шагает вглубь арены, готовая принять участие в последнем номере первого отделения. Мама придвигается ко мне, пересев на ее место:

– Видала? Эх, жалко, камеру не взяли!

В ослепляющем свете прожекторов артисты и животные под громогласные комментарии инспектора манежа маршируют по кругу. Я ищу взглядом Веру.

– Вон она! – говорит мама. – Эй, Вера!

Она указывает мимо инспектора манежа и клетки с тиграми на мою дочь, которая сидит перед дрессировщицей слона на шее огромного зверя с бивнями.

Интересно, возникает ли у других матерей тянущее чувство внутри, когда они видят, как дети осуществляют их мечты? Разноцветные лучи бегают по залу, фанфары гремят, публика аплодирует, но даже весь этот шум не мешает мне

слышать, как мама в недрах своей сумочки разворачивает ириску.

Вдруг одна из дрессированных собачек, которую, видимо, чем-то напугали, выскакивает из рук клоунессы в юбке с фижмами, пробегает между ног инспектора манежа, путается в шлейфе воздушной гимнастики и оказывается прямо перед слоном, на котором сидит Вера. Тот трубит и встает на дыбы.

Даже если я доживу до ста лет, то не забуду, какой долгой показалась мне эта кошмарная секунда: Вера падает в опилки, шум поднявшейся паники ударяет мне в барабанные перепонки, так что я больше ничего не слышу. Клоун, пригласивший Веру на арену, кидается к ней и, столкнувшись с метателем ножей, выбивает их из его рук. Три сверкающих лезвия, падая, задевают спину моей дочери.

Вера без сознания лежит ничком на больничной кровати, занимая никак не больше половины ее длины. Чтобы не допустить заражения крови, Вере поставили капельницу с каким-то препаратом. Доктор говорит, это только для профилактики. Вообще-то, девочка вне опасности: раны неглубокие. Однако наложить двадцать швов все же пришлось. Я так долго сидела, стиснув зубы, что от напряжения по всему позвоночнику пробегает дрожь. Мама, очевидно, догадывается, каково мне. Что-то тихо сказав медсестре, она дотрагивается до Вериной головки и выводит меня из палаты.

Мы молча идем в маленькую кладовую, которую мама для нас облюбовала. Прижав меня спиной к стеллажу с простынями и полотенцами, она заглядывает мне в лицо:

– Мэрайя, с Верой ничего страшного не случилось. Она скоро поправится.

Меня словно прорывает.

– Во всем виновата я! Я должна была это остановить!

Мама наверняка понимает: я плачу не только из-за ножей, ранивших мою дочь. Я виню себя в том, что впала в депрессию после ухода Колина. Может быть, даже в том, что в свое время выбрала его в мужья.

– Если кто и виноват, так это я. Я же купила билеты. – Мама крепко обнимает меня. – Не надо воспринимать это как наказание, Мэрайя. «Око за око» тут ни при чем. Вы с этим справитесь. Обе. – Она слегка отстраняется от меня. – Я когда-нибудь рассказывала, как однажды чуть тебя не убила? Мы поехали кататься на лыжах, тебе было семь лет. Ты соскользнула с сиденья фуникулера, пока я регулировала себе палки по росту. Я едва успела схватить тебя за рукав, и ты болталась на высоте двадцати футов над землей. А все потому, что я отвлеклась.

– Это другое. Это случайно произошло.

– И неприятность с Верой тоже произошла случайно, – настаивает мама.

Мы возвращаемся из крошечной кладовой в Верину палату. У меня в голове вертится характеристика, которую да-

ли мне врачи психиатрической клиники. *Имеет навязчивые идеи, испытывает обостренную боязнь быть отвергнутой партнером, не уверена в себе, склонна к восприятию ситуации в катастрофическом свете и к избыточным компенсаторным реакциям.*

– Ей должна была достаться другая мать. Более сильная.

– Милая, ты досталась ей не случайно, – смеется моя мама. – Подожди, и увидишь. – Объявив, что пошла за кофе, мама направляется к двери. – Если другие родители, когда их пинают, преспокойно катятся, это не значит, что так и надо, Мэрайя. Больше всех боятся облажаться те, кто сильнее стремится к совершенству.

Дверь за мамой со вздохом захлопывается. Я сажусь на кровать Веры и провожу пальцем по краю одеяла.

– Если мне нельзя сохранить Колина, пожалуйста, помоги мне сохранить дочь, – говорю я, причем, как оказывается, вслух.

– С кем это ты разговариваешь? – спрашивает мама, возвращаясь с кофе.

Я краснею: мне неловко быть застигнутой при попытке поторговаться с высшими силами. Вообще-то, я не считаю себя верующей. В годы моего детства наша семья не отличалась религиозностью, а повзрослев, я приобрела здоровый скептицизм. Но в ситуациях, когда мне очень-очень нужна помощь, я все-таки ощущаю потребность помолиться. «Больше никого не надо. Только Веру», – прошу я.

Мама сует мне в руку кофейную чашку – такую горячую, что, даже когда я ставлю ее на тумбочку, ладонь по-прежнему горит. В этот момент Вера открывает глаза и, моргая, смотрит на меня.

– Мамочка, – слово произносит она, и мое сердце переворачивается: первое слово, сказанное ею за несколько недель, целиком и полностью принадлежит мне.

Глава 2

*Да, многие люди верят в Бога. Но раньше
многие люди верили, что Земля плоская.
Иэн Флетчер. Нью-Йорк таймс 14 июня 1998 года*

17 августа 1999 года

Иэн Флетчер стоит в самом центре преисподней. Расхаживая перед новым задником, он трогает газовые трубы, которые будут изрыгать пламя, проводит рукой по зазубренному краю скалы и скребет по ней ногтем большого пальца, лоя себя на мысли, что жупел, вероятно, не так уж и страшен.

– Слишком яркий желтый цвет. Получилось какое-то капище друидов нового века.

– Я думаю, мистер Флетчер, – возражает декоратор, переглянувшись с помощником продюсера, – что, если мы хотим показать огонь и жупел⁵, нам важен запах.

– Запах? – хмурится Иэн. – Какой еще запах?

– Это же сера, сэра. Если ее поджечь, она будет неприятно пахнуть.

Сердито глядя на декоратора, Иэн с тихой угрозой в голосе произносит:

– Объясните, пожалуйста, зачем нам запахи, если мы снимаем телевизионное шоу?

⁵ Быт. 19: 24.

– Не знаю, мистер Флетчер, – испуганно отвечает декоратор, – но вы же сами...

– Я сам – что?

Откуда-то слева, где громоздятся камеры и микрофоны, раздается голос:

– Иэн, ты хотел огонь и жупел. Вот и получи. Не перекладывай на парня ответственность за собственные ошибки.

– Знаешь, Джеймс, – вздохнув, отвечает исполнителю продюсеру Иэн и проводит рукой по волосам, – единственное, что может заставить меня поверить в существование высших сил, – это твоя сверхъестественная способность вмешиваться в мою работу именно в самый неподходящий момент.

– Бог тут ни при чем, Иэн. Это просто закон Мерфи. – Джеймс Уилтон входит в серный круг и оглядывается. – А чтобы вот привлечь аудиторию, нам, похоже, и правда останется только молиться.

С этими словами он передает Иэну факс с последними данными рейтинга Нильсена.

– Черт! – бормочет Иэн. – Я же говорил, что нам нечего делать на Си-би-эс. Надо возобновить переговоры с Эйч-би-оу.

– Пока ты в рейтинге третий с конца, в Эйч-би-оу никто даже слышать о тебе не захочет. – Джеймс отламывает кусочек серы и нюхает. – Так вот он, значит, какой – этот жупел! А я всегда думал, что это большая черная печь.

Иэн обводит декорацию отсутствующим взглядом:

– Ладно. Построим все заново.

– Да что ты говоришь? – сухо произносит Джеймс. – А денег кто даст? «Найк» или, может, Христианская коалиция?

– От твоих насмешек толку мало, – прищурившись, отвечает Иэн. – Лучше бы вспомнил, что полгода назад, когда мы делали специальные выпуски, у нас были отличные рейтинги для нашего эфирного времени.

Джеймс отходит от декорации, Иэн – за ним.

– Специальные выпуски – это специальные выпуски. Они привлекательны своей новизной. А теперь шоу стало выходить еженедельно, и, может быть, поэтому аудитория потеряла к нему интерес. – Джеймс серьезно смотрит на Иэна. – Мне нравится то, что ты делаешь. Но продюсеры канала долготерпением не отличаются. Им нужно, чтобы я привел им чемпиона. – Джеймс забирает у Иэна факс и комкает. – Я знаю, это против твоей природы. Но тебе действительно пора молиться.

Вопреки бесчисленным просьбам журналистов Иэн Флетчер отказывается называть конкретные события своей жизни, которые отвернули его от Бога. Он утверждает, что родился неверующим и зарабатывает на жизнь попытками доказать миру, что неверующими рождаемся мы все, а вера просто навязывается нам, как привычка пить коровье молоко, умение пользоваться туалетом и другие социально при-

емлемые модели поведения. Религию Иэн считает ложной панацеей. Когда он не церемонясь сравнил католиков с маленькими детьми, которые думают, будто пластырь лечит раны сам по себе, это вызвало оживленную дискуссию в газете «Нью-Йорк таймс», журнале «Ньюсуик», а также в программе «Meet the Press» на канале Эн-би-си. В своих выступлениях Иэн спрашивал, в чем заключается богоизбранность еврейского народа, который до сих пор подвергается преследованию, и почему только католики видят Деву Марию в воде и в утреннем тумане. Он спрашивал, куда Бог смотрит, когда невинных детей насилуют, калечат и убивают. Чем откровеннее говорил Иэн Флетчер, тем охотнее люди слушали. Его книга «Кто такой Бог?», вышедшая в 1997 году, двадцать недель держалась на первой позиции в списке публицистических бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Флетчер побывал в гостях у Стивена Спилберга, его не раз приглашали в Белый дом для участия в круглых столах по разным культурным вопросам. В июле этого года тираж журнала «Пипл» с Флетчером на обложке был полностью распродан за двадцать четыре часа. Речь, произнесенная им в Центральном парке в Нью-Йорке, собрала более ста тысяч слушателей. А в сентябре 1998 года Иэн Флетчер договорился о сотрудничестве с телевизионными продюсерами и стал первым в мире телеатеистом.

По примеру знаменитых проповедников Билли Грэма и Джерри Фолуэлла он создал собственную телекомпанию и

начал выпускать шоу. Стоя перед огромным экраном, на котором демонстрировались картины массовых убийств, Иэн энергично, на южный манер растягивая слова, предлагал аудитории задуматься над тем, как человеколюбивая высшая сила могла такое допустить. Вокруг него стали собираться многочисленные последователи, и он приобрел репутацию выразителя взглядов поколения миллениума – циничных американцев, у которых нет ни времени, ни желания верить свое будущее Господу. Те, кому от восемнадцати до двадцати четырех, полюбили Иэна Флетчера за смелость, уверенность в себе и упрямство. Образованность – он получил степень доктора теологии в Гарварде – прибавила ему очков в глазах людей постарше. Но главное преимущество, благодаря которому Иэн Флетчер стал любимцем женщин всех возрастов и пробил себе дорогу на телеэкран, заключается в том, что он был чертовски красив.

Через два часа Иэн врывается в кабинет своего исполнительного продюсера.

– Есть! – кричит он, не обращая внимания на то, что Джеймс разговаривает по телефону и жестами просит не шуметь. – Это бомба! Скоро я тебя озолочу!

– Я вам перезвоню, – говорит Джеймс и, положив трубку, поворачивается к Иэну. – Ладно, я весь внимание. В чем заключается твой грандиозный план?

Выразительные голубые глаза Иэна горят, руки оживлен-

но чертят в воздухе какие-то диаграммы. Именно эта его яростная одухотворенность в свое время заставила Джеймса посмотреть на него как на рупор духовно потерянной страны.

– Что делает телеевангелист, чей рейтинг падает?

– Спит со своей секретаршей или занимается вымогательством, – подумав, отвечает Джеймс.

Иэн закатывает глаза:

– Ответ неправильный. Он выходит со своим шоу на улицу.

– Разъезжает в «Виннебаго»?⁶

– Почему бы и нет? – говорит Иэн. – Сам подумай, Джеймс. В начале прошлого века проповедники создавали приходы на пустом месте. Они ставили кафедру под открытым небом и привлекали целые толпы на свои молитвенные собрания, творя всякие чудеса.

Джеймс прищуривается:

– Не представляю тебя, Иэн, за кафедрой под открытым небом. Ведь в твоём представлении «затянуть пояс потуже» значит переехать из отеля «Фор сизонс», в «Плазу».

– Чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных мер, – пожимает плечами Иэн. – Пора идти в массы, мой друг. Мы проведем первый в мире антирелигиозный поход.

– Если люди тебя здесь не смотрят, Иэн, то какого черта они станут смотреть твои репортажи откуда-нибудь из Кан-

⁶ Комфортабельный дом на колесах.

заса?

– Неужели не понятно? Фишка в том, что мы не собираемся заставлять калек отбрасывать костыли, а слепых – кричать: «Я вижу!» Мы будем, наоборот, разоблачать все эти так называемые чудеса. Грубо говоря, обойдем всех плачущих Мадонн, отнесем их «слезы» в лабораторию и докажем, что это конденсат. Или пригласим медика, чтобы тот рассказал, почему человек, девятнадцать лет пролежавший в коме, вдруг проснулся как новенький. – Иэн нависает над столом, улыбаясь от уха до уха. – Люди верят в Бога, потому что не находят объяснения подобным вещам. Но это поправимо.

По лицу Джеймса медленно расплзается ответная улыбка.

– А знаешь, – говорит он, – идея не такая уж плохая.

Иэн берет газету с края стола и бросает несколько листов Джеймсу, а оставшиеся разворачивает, словно крылья огромной птицы.

– Пошли свою секретаршу в газетный киоск. Пусть купит «Глоб», «Пост», «Лос-Анджелес таймс». Если кто-нибудь за ужином узрел в своей пицце лик Иисуса, мы найдем этого счастливца.

30 августа 1999 года

Колин Уайт, одетый в деловой костюм, сидит на скамейке возле детской площадки и смотрит, как мамы и няни играют с малышами в догонялки среди лесенок и горок. По-

купной сэндвич с яйцом и салатом остался нетронутым. Даже не развернув пленку, Колин запикивает его обратно в коричневый бумажный пакет.

Девочка, которая висит на рукоходе, немножко похожа на Веру. Волосики тоже кудрявые, только потемнее. Добравшись до третьей перекладины, она соскальзывает вниз. Вере тоже никак не давался этот снаряд, но она тренировалась и тренировалась до тех пор, пока не прошла от начала до конца. Колину хочется подойти поближе, но он знает, что этого лучше не делать: мужчину, который на самом деле просто скучает по ребенку, непременно примут за педофила. Такие уж времена настали.

Колин проводит рукой по волосам. И о чем он только думал, когда привел Джессику домой? Ясное дело, ни о чем. Урок танцев – это же ненадежно. Следовало предположить, что Вера и Мэрайя могут вернуться в любой момент. Прошло уже три недели, а Колин до сих пор в мельчайших подробностях помнит, как изменились лица жены и дочки, когда Джессика вышла из ванной. Помнит, как догнал Веру в ее комнате: взгляд у нее был такой, будто она видела его насквозь. Будто в свои семь лет она каким-то образом поняла, что его оправдания шиты белыми нитками.

Мэрайе он, конечно, причинил боль. Но даже святой не смог бы до бесконечности жить с женщиной, которая отказывается признавать, что в их отношениях могут быть какие-то проблемы. Всякий раз, когда он предлагал жене по-

смотреть фактам в лицо, он уходил на работу, весь трясясь: боялся, как бы в его отсутствие она чего-нибудь с собой не сделала. В свое время он потому и начал встречаться с Джессикой. Ему просто хотелось выговориться. А теперь он любит эту женщину. Колин закрывает глаза. Как все ужасно запуталось!

Малышка, слегка похожая на Веру, раскачивается на последней перекладине рукохода и, соскочив, приземляется в нескольких футах от Колина. Поднимается облако пыли.

– Ой! – говорит она, с улыбкой глядя снизу вверх. – Извините.

– Ничего страшного.

– А вы не завяжете мне шнурки?

Колин улыбается. Он знает: для маленьких детей взрослые взаимозаменяемы. О том, что обычно делает отец, они могут запросто попросить любого мужчину того же возраста. Колин наклоняется и зашнуровывает кроссовку. Теперь, вблизи, он видит, что девочка моложе Веры, увесистее и вообще совершенно на нее не похожа.

Малышка снова взбирается на рукоход и с простодушной гордостью говорит:

– Глядите! Сейчас пройду до самого конца!

Колин с удивлением замечает, что затаил дыхание, наблюдая за тем, как чужой ребенок, раскачиваясь изо всех сил, хватается то правой, то левой ручонкой за металлические перекладины. Девочка не останавливается, даже если кажется,

что ей не дотянуться, что сейчас она упадет и причинит себе боль. Колин не спускает с нее глаз до тех пор, пока она благополучно не добирается до своей цели.

Для своих семи лет она много знает. Знает, что гусеница бабочки-монарха живет в складках листьев молочая. Что легинсы прилегают к ногам плотнее колготок. Что «посмотрим» означает «нет». Она достаточно повидала мир, чтобы понять: это место для взрослых, где ребенок, если хочет обратить на себя внимание, должен подхватывать концы их фраз и стараться вести себя как они. Она знает, что, стоит ей уснуть, ее плюшевый медвежонок открывает свои вышитые глазки. Знает, что правда может вызывать резкую головную боль и что любовь иногда похожа на руку, сжимающую горло.

Еще она знает, хотя это и пытаются от нее скрыть, что дома по-прежнему беспокойно. Веру выписали из больницы три дня назад, но ей все еще неприятно носить кофточку. Одеваясь, она каждый раз чувствует, как швы расходятся и начинают кровоточить. Зимой она, наверное, или умрет от холода, или истечет кровью, так что останется один скелет.

Днем приходит бабушка, они играют в карты. Бабушка совсем не возражает против того, чтобы Вера ходила в одних шортиках. А мама сидит на диване и, если ей кажется, что на нее никто не смотрит, пялится на Верину спину. Как будто такой тяжелый взгляд можно не почувствовать! Когда по-

сле обеда бабушка уходит, начинаются разговоры с большими жирными белыми пятнами. Кажется, что между предложениями, которые произносят они с мамой, умещаются целые часы.

Сегодня, когда Вера ковыряет вилкой горошек на тарелке, кто-то звонит в дверь. Бабушка поднимает брови, мама пожимает плечами. Бабушка с мамой могут разговаривать без слов, потому что очень хорошо знают друг друга. А у мамы и Веры тишина не такая: они молчат, потому что, наоборот, совсем друг друга не знают. Мама идет открывать, и как только она скрывается из виду, Вера набирает полную вилку горошка и прячет под себя.

– О, ты как раз к обеду! – Мамин голос полон воздуха и света.

– Я не могу остаться, – отвечает папа.

Вера застывает, чувствуя, как горошины лопаются под бедром. После Того Дня она видела папу только один раз. Он пришел в больницу с большим уродливым плюшевым медведем. Все время, пока отец разговаривал с ней, держа ее за руку, Вера представляла себе ту леди, которая вышла из ванной, словно была у себя дома. Вера не понимала, почему женщина принимала душ в середине дня и почему мама заплакала. Зато почувствовала, что все это нехорошо окрашено. Словно бы кто-то взял синий и черный мелки и принялся возить ими как сумасшедший не по бумаге. Иногда Вера представляла себе такую мазню, когда родители ссорились,

а она лежала в кровати и слушала.

Отец входит на кухню и целует Веру в лоб:

– Привет, Печенюшка! – Он, как и мама, делает вид, будто не разглядывает Верину спину. – Как поживает мой Тыквенный Пирожок?

Вера смотрит на отца, не понимая, почему он все время дает ей прозвища, связанные с едой.

– Господи боже, Мэрайя! – говорит бабушка, вставая. – Зачем ты егопустила?

– Ради Веры... Я не могла не впустить.

– Ради Веры! – фыркает бабушка. – Конечно. – Она подходит к Верину отцу с таким видом, будто собирается ему врезать, но в итоге только тычет его пальцем в бок. – До свидания, Колин. Ты здесь больше не нужен.

– Милли, перестаньте, пожалуйста.

Появляется мама с тарелкой в руках и мурлычет:

– Ну вот, никаких проблем...

– Мэрайя, я не могу остаться. Я тебе уже сказал.

– Это же просто обед...

– У меня другие планы.

– Ты мог бы их отменить. Это хорошо для нашей до...

– Меня Джессика ждет в машине, – отрывисто говорит отец. – Теперь понятно?

Вера, напуганная голосом отца, бросается к бабушке. Мама бессильно опускается на стул. Горошинки с тарелки, которую она держала, рассыпаются по столу, как крапинки по

ткани. Отец смешно шевелит нижней челюстью, потом наконец произносит:

– Я просто хотел увидеть дочь. Извини. – И, дотронувшись до Вериного плеча, он уходит.

– Господи, мама! Ну разве тебе обязательно было это говорить?

– Да! Потому что ты этого не сказала!

– Мне твоя помощь не нужна! – Вериная мама хватается за голову. – Тебе лучше уйти.

Вера начинает паниковать. Ей тоже не хотелось, чтобы отец сюда являлся. Но только потому, что она догадывалась, какой сценой это закончится. Однажды в школе учительница налила в миску воды, насыпала туда молотого перца, а потом капнула немного жидкого мыла, и весь перец разбежался к краям. Почему-то, когда Вера думает о маме и папе, ей всегда вспоминается этот эксперимент.

– Вера, – говорит бабушка, – думаю, сегодня тебе лучше переночевать у меня.

– Ни в коем случае! – трясет головой мама. – Она остается здесь.

– Ну и прекрасно!

Вера не понимает, что в этом такого прекрасного. Ей хочется к бабушке. Мама сейчас будет просто слоняться по дому, а ей, Вере, включит видеокассету с мультиками. Зато у бабушки она спала бы в комнате для гостей, где в углу стоит швейная машинка, похожая на какого-то черного зверя,

а на тумбочке коробка с пуговицами и банка с сахарными кубиками.

Бабушка говорит «до свидания» и уходит. Мама бормочет что-то про психологию от обратного. Теперь они с Верой остались вдвоем, если не считать посуды на столе. Вера долго смотрит на маму: она опять взялась за голову и сидит так неподвижно, будто уснула. Не зная, что говорить и что делать, Вера дотрагивается до нее и спрашивает:

– Поиграешь со мной?

Когда мама поднимает глаза, Вера думает, что еще никогда в жизни не видела такого грустного лица. Пожалуй, только три года назад в зоопарке в Сан-Диего у черепахи, которая вытянула свою мощную шею и посмотрела прямо на Веру, словно говоря: «Помоги мне вернуться туда, откуда меня забрали».

– Не могу, – отвечает Мэрайя тихим ломким голосом и выходит из комнаты.

А Вере опять остается только гадать, какое же заклинание нужно произнести, чтобы удержать маму рядом.

Мэрайя всегда считала, что если существуют клубы анонимных алкоголиков, то должны быть и такие общества, которые помогали бы людям лечить разбитые сердца. Многим из нас, думает она, не помешала бы поддержка подруг по несчастью, когда мы застаем мужей в объятиях других женщин, или когда они звонят, но не хотят разговаривать, или

когда мы видим по их глазам, что они уже начали нас забывать. Мэрайе хотелось бы найти добрую самаритянку, которая поболтала бы с ней по телефону, как бывшая одноклассница, предложила бы покидать дротики в фотографию этого придурка, утихомирила бы боль.

Но такой самаритянки поблизости нет, поэтому Мэрайя смотрит на визитку с номером пейджера своего психиатра. Предполагается, что звонить можно только в крайнем случае, то есть, наверное, тогда, когда у нее возникнет непреодолимое желание вскрыть себе вены или повеситься в кладовке. Ну а ей просто хочется с кем-то поговорить, а с кем – она не знает. Маму, свою лучшую подругу, она только что вы проводила. Другие знакомые ей женщины – жены коллег Колина, и, вероятно, теперь они станут ходить в рестораны вместе с ним и его любовницей. По горлу начинает подниматься какая-то горечь. Будет несправедливо, если этой Джессике достанется все: муж Мэрайи, ее друзья, ее старая жизнь.

За вечер нужно переделать много дел: дать Вере антибиотики, наложить свежую повязку на швы перед сном. А еще позвонить маме и извиниться. Программа-минимум – убрать со стола после обеда.

Но вместо того чтобы заняться чем-нибудь из этого, Мэрайя просто стоит и смотрит на свою кровать. Ночами ей кажется, что она падает в ямы и канавы, оставленные на матрасе Колином и Джессикой. Сдернув одеяло, она устраивает гнездо на полу. Ложится, укрывается простынями и пред-

ставляет себе лицо Колина, как представляла давным-давно, засыпая на узкой кровати в студенческом общежитии. Мэрайя лежит совершенно неподвижно, не обращая внимания на слезы, которые сами собой текут из глаз, как целительные струи горячего источника.

Вера знает: мама плачет. Плачет так сильно, что с трудом успевает глотать воздух. Звук негромкий, но даже если накрыть голову подушкой, его все равно слышно. Когда родители ругались, было то же самое. От этого Вере и самой хочется плакать. Она думает, не позвонить ли бабушке, но вспоминает, что в семь вечера бабушка снимает трубку и кладет рядом с телефоном, чтобы рекламные звонки не досаждали. Поэтому Вере остается только свернуться в клубок, лежа поверх постельного белья в одних пижамных штанишках, и прижать к себе старого плюшевого медведя, пахнувшего шампунем «Джонсонс беби».

Она лежит так довольно долго. А потом ей снится, что прямо перед ней сидит кто-то в длинной белой ночной рубашке. Приученная опасаться незнакомых людей, она испуганно вскакивает.

– Вера, – говорит загадочная фигура, – не бойся.

Длинные темные волосы, печальные темные глаза.

– Я вас знаю?

– А хочешь знать?

– Не знаю.

У Веры возникает сильное желание дотронуться до белой рубашки. Раньше она никогда не видела такой ткани: кажется, только прикоснись к ней – упадешь в эту мягкость и не выберешься.

– Вы пришли к моей маме?

– Нет, к тебе. Чтобы тебя охранять.

– С кем ты разговариваешь? – спрашивает Верина мама, внезапно появившись в дверном проеме.

Глаза у мамы красные и припухшие. В руках тубик бацитрацина. Вера, вздрогнув, оглядывается: фигура исчезла, сон рассеялся.

– Ни с кем, – отвечает она и поворачивается, чтобы мама могла обработать ей швы.

Спустя двое суток Мэрайя резко просыпается среди ночи. Идет босиком по коридору и, еще не дойдя до спальни дочери, заранее знает, что та исчезла.

– Вера? – шепчет мать. – Вера!

Мэрайя сдергивает одеяло с пустой кровати, заглядывает в шкаф и в ванную. Потом, прошлепав вниз по лестнице, заходит в игровую комнату и в кухню. В висках стучит, ладони вспотели.

– Вера! – кричит Мэрайя. – Где ты?!

Вспоминаются газетные истории о детях, похищенных ночью из родительских домов. Да мало ли какие опасности подстерегают ребенка сразу за порогом! Вдруг Мэрайя замеча-

ет, как за окном блеснуло что-то серебристое. Может, Верина заколка? Так и есть. Дочка во дворе. Осторожно ползет по верхней перекладине качелей, закрепленной на высоте десяти футов над землей. Вера и раньше с кошачьей ловкостью проделывала этот трюк, и Мэрайя каждый раз ужасно боялась, что ребенок упадет.

– Может, объяснишь мне, что ты здесь делаешь ночью? – произносит она тихо, чтобы не напугать девочку.

Та смотрит вниз совершенно спокойно и даже не удивленно:

– Моя хранительница сказала мне прийти.

Мэрайя ожидала какого угодно ответа, только не такого.

– Твоя – кто?

– Хранительница.

– Какая еще хранительница?

– Она мой друг, – улыбается Вера, радуясь правдивости собственных слов.

Мэрайя начинает мысленно перебирать детей, с которыми дочка играла. Но после ухода Колина никто из них ее не навещал. Соседи, как это принято в Новой Англии, предпочитают держаться подальше от дома, где творится что-то неладное. Мол, вдруг беда окажется заразной?

– Она живет где-то поблизости?

– Не знаю, – отвечает Вера. – Спроси ее сама.

Мэрайя вдруг чувствует резкую боль в груди. Со времен пребывания в Гринхейвене собственный разум представля-

ется ей набором стеклянных фишек домино: их можно поставить на ребро, но при малейшем дуновении они падают. Неужели склонность терять связь с реальностью передается генетически, как цвет волос или предрасположенность к ожирению?

– Сейчас твоя подруга... здесь?

– Ну а ты как думаешь? – фыркает Вера.

Коварный вопрос.

– Да?

Вера, смеясь, усаживается на перекладину верхом и болтает ногами.

– Слезай, пока не упала, – требует Мэрайя.

– Я больше не упаду. Со мной ничего не случится. Моя хранительница мне так сказала.

– Все-то она знает! – ворчит Мэрайя и лезет на качели, пытаясь дотянуться до дочери.

Подобравшись поближе, она слышит, как Вера тихонько напевает на мотив старинной детской песенки: «Плод дерева... которое среди сада...»

– А ну-ка, в дом! Сейчас же!

Только уложив дочку в постель и подоткнув ей одеяло, Мэрайя понимает, что впервые после циркового происшествия Вера смогла надеть ночную рубашку.

Если не считать того, что Барби совсем лысая, Вере нравится играть в кабинете доктора Келлер. Здесь есть и вареж-

ки с липучками, которыми ловят специальные шарики, и кукольный домик, и мелки в форме уточек, свинок и звездочек. Ну а на Барби, конечно, смотреть жутковато. Глядя на маленькие бугорки с дырочками там, где должны быть волосы, Вера вспомнила, как однажды у нее из рук выпал писающий пупс. Тело распалось на две половинки, и внутри она увидела не сердце, а маленький насос и батарейки.

И все-таки Вере нравится на приеме у доктора Келлер. Она боялась, что ей будут делать уколы или засовывать в горло длинную ватную палочку, но доктор Келлер только смотрит, как она играет, и иногда задает вопросы. Потом вообще выходит в другую комнату, где сидит мама, а Вера еще долго играет одна.

Сейчас доктор Келлер сидит и пишет что-то в блокноте. Вера надевает на руку куклу в короне и нарочно роняет ее. Ворошит цветные мелки в контейнере. Встает, переходит в другой угол кабинета и смотрит на лысую Барби. Берет ее и несет в кукольный домик.

Он, конечно, не такой красивый, как те, которые делает мама, но это даже хорошо. К маминым домикам Вере подходить не разрешается, а если она все же потихоньку вытащит крохотный стульчик или потрогает плетеный коврик, то приходится не дышать, чтобы не сломать миниатюрную вещь. Зато пластмассовый кукольный дом в кабинете доктора Келлер предназначен для детей, для игры. А не просто для красоты.

Кена и Барби, вторую, с волосами, кто-то запихнул в ванную. Голова Кена опущена в унитаз. Вера ставит его на ноги, «ведет» обеих кукол в спальню и крепко прижимает друг к другу. Потом берет лысую Барби и ставит у стенки, чтобы смотрела. Доктор Келлер на своем стуле быстро подкатывает поближе:

– Как много людей в этой комнате!

Вера поднимает глаза:

– Это папа, мама и еще одна мама.

– Две мамы?

– Ага. Вот с этой, – Вера указывает на Барби в объятиях Кена, – папа целуется.

– А эта?

Девочка ласково гладит лысую голову одинокой куклы:

– А эта все время плачет.

– Ты... что?!

Лицо Джессики разочарованно вытягивается, и Колин понимает, что допустил очередную ошибку.

– Я думала, ты обрадуешься, – говорит она и начинает плакать.

Колин совершенно растерян. Он понимает: Джессика ждет от него каких-то слов или действий, соответствующих моменту, но он сейчас может думать только об одном. О том, как много лет назад врачи Гринхейвена сообщили ему, что у Мэрайи положительный тест на беременность. Опомнив-

шись, он наконец обнимает Джессику:

– Прости. Я рад.

Джессика поднимает лицо:

– Рад?

– Клянусь! – кивает Колин.

Джессика обвивается вокруг него, как лиана:

– Я знала, что ты так скажешь. Что воспримешь это как второй шанс.

Второй шанс для чего? – спрашивает себя Колин, а потом ему становится ясно: Джессика имеет в виду создание семьи. Он улыбается, хотя его горло как будто внезапно кто-то сдавливает. Глаза Джессики светятся. Она берет руку Колина и кладет на свой плоский живот.

– Интересно, на кого будет похож наш малыш? – мягко произносит она.

Пытаясь представить себе ребенка, которого они зачали, Колин закрывает глаза. Но видит только Веру.

Мэрайя со стоном разгибается после того, как завязала двойные бантики на Вериных кроссовках. Сегодня четверг. Нужно сделать уборку, потом сдать книги в библиотеку и купить молодую кукурузу на рынке. А теперь к обычному списку дел добавился еще визит к доктору Келлер.

– Ну вот. Идем.

– Мамочка, – говорит Вера, – помоги обуться и ей тоже.

Мэрайя, вздохнув, опять опускается на корточки и делает

вид, будто завязывает бантики на туфлях Вериной воображаемой подруги.

– Но мамочка... у нее же туфли с пряжками!

Еще через секунду Мэрайя встает:

– Ну? Теперь можем идти?

Она тянется за сумочкой, открывает дверь, выпускает дочку, потом ждет, чтобы вышла хранительница. На пути к машине Вера, улыбаясь, вкладывает ручонку в мамину руку:

– Она говорит тебе спасибо.

Если бы Мэрайя выбирала психиатра для себя самой, то никогда не выбрала бы доктора Келлер. Во-первых, безукоризненная организованность этой женщины заставляет ее без конца проверять, не забыла ли она что-нибудь в машине: ключи, записную книжку, уверенность в себе. Во-вторых, доктор Келлер молода и красива: роскошные рыжие волосы, длинные ноги, никогда не забывающие принять эффектное положение. Мэрайя давно решила, что для душевных излиятий ей нужен не такой собеседник. Доктор Йохансен в самый раз. Маленький и усталый, он выглядит достаточно человеческим, чтобы не стыдно было признаваться ему в своих слабостях. Кстати, именно доктор Йохансен сказал, что неплохо бы показать Веру кому-нибудь, кто поможет ей понять, в чем смысл развода. Но сам он с детьми не работает. Поэтому посоветовал обратиться к доктору Келлер и даже позвонил коллеге, чтобы назначить время первого сеанса.

Мэрайя даже себе не хочет признаваться в том, что сама является тем корнем, из которого растут Верины галлюцинации. Когда она лежала в Гринхейвене, врачи не отрицали, что прозак мог повлиять на ребенка. Причем неизвестно как.

Заставив себя встретить взгляд доктора Келлер, Мэрайя произносит:

– Ее воображаемая подруга меня беспокоит.

– Не волнуйтесь. Это нормально. Даже хорошо.

Мэрайя приподнимает брови:

– Нормально и даже хорошо разговаривать с кем-то, кого нет?

– Да, это абсолютно здоровая ситуация. Вера создала для себя того, кто двадцать четыре часа в сутки эмоционально поддерживает ее. – Доктор Келлер достает из Веринной папки рисунок. – А чтобы ощущать не только эмоциональную поддержку, она называет свою подругу хранительницей.

Мэрайя, улыбаясь, рассматривает нарисованную детской рукой белокурую девочку. Вера изобразила саму себя, это сразу видно по сиреневому платью с желтыми цветами, которое она, если бы ей разрешили, носила бы день и ночь. Ее косички на картинке похожи на солнечных змеек. За руку она держит какого-то человека.

– Это и есть ее подруга, – поясняет доктор Келлер.

Мэрайя в недоумении смотрит на странную фигуру:

– Похоже на Каспера – привидение из мультлика.

– Это естественно. Создавая в своем воображении некий

образ, Вера опирается на то, что где-то видела.

– Каспер с волосами, – уточняет Мэрайя, дотрагиваясь пальцем до белой фигуры, словно бы повисшей в воздухе, и до шлема коричневых волос, обрамляющих лицо. – Так себе хранительница.

– Главное, Вере это помогает.

Мэрайя набирает в легкие побольше воздуха и прыгает со скалы.

– А откуда вы знаете? – тихо спрашивает она. – Откуда вы знаете, что Вера просто придумала эту подругу, а не слышит на самом деле какие-то голоса у себя в голове?

Доктор Келлер отвечает не сразу. Мэрайя задумывается о том, как много доктор Йохансен рассказал коллеге о ней самой. В частности, знает ли та о ее лечении в психиатрической больнице.

– Я не склонна думать, что у Веры галлюцинации, – говорит доктор Келлер. – Если бы у девочки возникали психотические эпизоды, на это указывали бы специфические изменения в поведении.

– Какие, например? – интересуется Мэрайя, хотя и сама прекрасно знает какие.

– Тревожные. Ребенок, у которого галлюцинации, может плохо спать. Плохо есть. Подолгу смотреть в одну точку. Проявлять агрессию. Выходить из дому в три часа ночи и говорить, что друг ждет его на крыше.

Вспомнив о том, как Вера глубокой ночью взобралась

на верхнюю перекладину качелей, Мэрайя предпочитает об этом умолчать.

– Нет. Ничего такого я не замечала.

– Тогда не беспокойтесь, – пожимает плечами доктор Келлер.

– А если она хочет, чтобы подруга спала в ее постели и сидела с ней за столом?

– Подыгрывайте. Тогда Вера успокоится и со временем сама все это забудет.

Значит, нужно усыпить ее бдительность, и тогда хранительница исчезнет, думает Мэрайя.

– Миссис Уайт, я еще раз поговорю с вашей дочкой об этой воображаемой подруге. Но поверьте мне: я наблюдала сотню таких случаев. И девяносто девять ребят оказались абсолютно нормальными.

Мэрайя кивает, думая о том, что же стало с сотым ребенком.

– Подождите, пожалуйста, минутку, – с улыбкой говорит Колин заместителю директора сети домов престарелых и, невозмутимо выйдя из офиса, начинает рыться в багажнике своей машины.

Довольно трудно рекламировать эти чертовы таблички «Выход», если они начинают искрить, как только включаешь их в сеть. К счастью, у Колина есть запасной экземпляр, а тот брак можно списать на тайваньский завод, изготовивший

провода.

Образец лежит в коробке. Состроив гримасу, Колин запускает туда руку, но вместо шнура достает совсем другой предмет – маленькую заколку.

Каким образом эта вещица сюда попала, уму непостижимо. Он вспоминает, как видел ее в последний раз на Вере: заколка поблескивала серебром в водопаде светлых детских волос. Свои заколки и резиночки дочка хранит в старой шкапулке для сигар, которая досталась Колину от бабушки.

Забыв и про заместителя директора дома престарелых, и про табличку «Выход», торчащую из коробки, Колин проводит по заколке подушечкой большого пальца. Он уже был с Джессикой у врача. Слушал сердцебиение малыша. Но ему по-прежнему трудно делать вид, будто он страшно радуется еще не родившемуся ребенку, когда с уже рожденной дочерью все стало так сложно.

Колин пробовал позвонить Вере и один раз даже издали видел ее на школьной игровой площадке, но не решился подойти и заговорить. Он не знает, что сказать. Каждый раз, когда он вроде бы чувствует себя дозревшим до извинений, ему вспоминается, как Вера смотрела на него в больнице после циркового происшествия: молча и с осуждением. Словно бы даже при своем маленьком жизненном опыте уже сделала вывод, что отец не оправдал возложенных на него надежд.

Колин понимает: в жизни быть хорошим папой сложнее, чем в рекламных роликах. Мало пинать мячик на зеленой

лужайке и уметь заплетать косички. Хороший отец знает слова любимой песни своей дочки. Он просыпается среди ночи за мгновение до того, как слышит, что она упала с кровати. Когда она кружится в балетной пачке, он смотрит и представляет себе, как однажды она будет танцевать в свадебном платье.

Еще ему удается делать вид, будто в их паре он главный, хотя на самом деле она совершенно обезоружила его, впервые улыбнувшись ему из колыбели его согнутой руки.

Теперь Колин так много думает о Вере, что ему непонятно, как он в свое время умудрился отвлечься от нее настолько, что совершил непоправимую ошибку – переспал с Джессикой прямо у себя дома. Колин вздыхает. Он любит Джессику, и она права: пора кардинально меняться. Поэтому он мысленно дает себе обещание отныне стать лучшим отцом и сделать так, чтобы Вера только выиграла оттого, что он решил перевернуть страницу. Он наведет порядок в своей жизни и сразу же вернется к дочери. Он все ей возместит.

– Мистер Уайт! – нетерпеливо произносит заместитель директора дома престарелых, стоя на пороге. – Мы можем продолжить?

Опомнившись, Колин прячет заколку в карман, достает из коробки табличку и начинает как по писаному нахваливать ее способность экономить энергию и деньги. При этом он спрашивает себя: неужели человек, который зарабатывает себе на жизнь тем, что помогает людям уйти от одинокой

старости, не найдет выход без таблички?

6 сентября 1999 года

Милли Эпштейн берет диетическую колу и садится рядом с дочерью на диван в гостиной:

– Считай, тебе повезло. Вере могло присниться, будто ее охраняет английский солдат в большой мохнатой шапке, и тогда она бы жаловалась, что он не помещается на заднем сиденье твоей машины.

Мэрайя прижимает свою банку содовой ко лбу:

– На следующей неделе начинаются занятия в школе. Вдруг дети будут дразнить Веру?

– Нашла о чем беспокоиться! Не смейся меня. Девочке семь лет. Через неделю она и не вспомнит про эту свою хранительницу.

Мэрайя подносит острый край банки к губам:

– Это все моя наследственность.

– С тобой все было в порядке! – вскипает Милли. – Просто твой Колин внушил тебе, что ты мешуге⁷, хотя на самом деле ты просто немного расклеилась.

– Ма, я лечилась от клинической депрессии.

– Но это ведь не то же самое, что думать, будто инопланетяне передают тебе сообщения по радио?

Мэрайя поворачивается к матери:

– В шизофренички я никогда не записывалась.

⁷ Сумасшедшая (*идиш*).

– Дорогая, – Милли дотрагивается до ее плеча, – вообще-то, когда тебе было лет пять, у тебя тоже был воображаемый друг. Мальчик по имени Вольф. Он якобы спал у тебя в ногах и говорил тебе, чтобы ты ни в коем случае не ела овощей.

– От этого мне должно полегчать?

У Мэрайи начинает стучать в висках. Она берет пульт и включает телевизор. В эфире одни мыльные оперы – их она терпеть не может, – информационная реклама и шоу Марты Стюарт. Полистав спутниковые каналы, которые ее мама смотрит нечасто, она выбирает ситком.

– Нет, переключи назад, – говорит Милли, забирая у дочери пульт. – У этого ведущего приятная манера речи.

Мэрайя хмурится, когда на экране появляется Иэн Флетчер, автор антиевангелического шоу, который вечно расхаживает по студии, как зажавшийся петух по курятнику. Манера речи – ха-ха! Неудивительно, если он специально учился так противно растягивать слова. Чем его воззрения привлекают широкого зрителя, Мэрайя не понимает. Может, она просто никогда настолько не погружалась в религию, чтобы у нее возникла потребность обратиться к противоположной точке зрения.

– Мне кажется, люди думают, что, если он не перестанет трепаться, Бог поджарит его молнией в прямом эфире. Ради такого зрелища все и смотрят это шоу.

– Откуда вдруг такие ветхозаветные фантазии? – спраши-

вает Милли, убавляя громкость. – Видимо, в еврейской школе ты успела усвоить больше, чем я думала.

– Я ходила в еврейскую школу? – удивленно моргает Мэрайя.

– Один день. Некоторые твои друзья посещали воскресную школу, ну и мы с отцом тоже решили поддержать традицию... – Милли смеется. – А ты пришла домой и сказала, что лучше запишешься на балет.

Мэрайя не удивилась. В детстве ее религиозность носила чисто социальный характер. Она была дочерью евреев, которые ходили в синагогу только по большим праздникам, да и то главным образом затем, чтобы посмотреть, кто во что одет. Мэрайя помнит, как ей хотелось влезть на колени к Санта-Клаусу, который сидел в супермаркете. Помнит, как в Рождество, когда все другие семьи собирались вокруг наряженных елок, их семья ужинала в китайском ресторане, а потом шла в пустой кинотеатр.

Выйдя замуж за англиканца, Мэрайя никого не удивила.

Балетной школы она не помнит, зато теперь отмечает про себя, что поставить ноги в пять позиций она худо-бедно сможет, а вот воспроизвести Десять заповедей – вряд ли.

– Я не знала...

– О! – восклицает Милли. – Сейчас расскажут про большое турне! Их съемочная группа путешествует по всей Америке! Во вторник они были в Нью-Палце.

– В Нью-Палце большая атеистическая аудитория? – сме-

ется Мэрайя.

– Наоборот. Он туда поехал, потому что там в какой-то церкви якобы кровоточит статуя. Оказалось, это известняковые отложения или что-то в этом роде.

В нижней части экрана появляется бегущая строка: «ХОУЛТОН, ШТАТ МЭН. ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ!» Сначала камера широко берет толпу людей в футболках с надписью «ВЕТВЬ ЖИЗНИ: ДРЕВО ИИСУСА». Потом крупным планом показывают Иэна Флетчера, стоящего у открытой двери дома на колесах.

– Шикарный мужчина! – вздыхает Милли. – Ты только посмотри на его улыбку!

Мэрайя не отрывает взгляда от журнала «Телегид»:

– Чего бы ему не улыбаться? Купается в лучах славы, получает удовольствие.

Еще никогда в жизни Иэн не чувствовал себя так паршиво. Ему жарко, он вспотел, у него раскалывается голова. Еще чуть-чуть – и он возненавидит штат Мэн, а то и всю Новую Англию. Скорее бы закончился прямой эфир! Продюсер отказался оплатить ему приличную гостиницу. Дескать, собрался в народ – будь готов к тому, чтобы ступать своими итальянскими лоферами по земле. Поэтому всю съемочную группу поселили в «Хоултон Холидей инн», а самому Иэну ради имиджа придется торчать в своей знаменитой консервной банке.

Он никому не покажет, что нормальные условия проживания жизненно необходимы человеку, который ночами не спит, а только слоняется, совершенно измученный. Его бессонница – это только его дело. Но он даже передать не может, с каким нетерпением ждет окончания этого балагана. Следующее разоблачение он согласен производить только где-нибудь возле отеля «Риц-Карлтон».

По сигналу Джеймса Иэн выходит из своего унылого «Виннебаго». Его тут же окружают репортеры. Прорываясь через их кольцо, он наступает на брошенный кем-то пустой пакет из-под молока.

– Как вы, вероятно, уже знаете, – говорит Иэн, показывая на горстку людей, собравшихся возле раскидистой яблони, – в последние дни ведутся споры о том, действительно ли в городе Хоултоне, штат Мэн, произошло религиозное чудо. Уильям и Бутси Маккинни утверждают, что утром двадцатого августа после сильной грозы они увидели лик Иисуса на сломе ветки этой яблони.

Иэн подходит поближе. Рисунок древесных колец и нежные следы засохшего сока действительно образовали нечто напоминающее лицо с длинным подбородком и темными глазницами. Примерно так верующие обычно и представляют себе Иисуса. Иэн с подчеркнутой фамильярностью ударяет рукой по дереву, закрывая изображение ладонью.

– Лицо ли это? Может быть. Но почему супруги Маккинни увидели в этом лице именно лик Христа? Вероятно,

не будь они ревностными католиками, регулярно посещающими мессу, они бы сказали, что это Орвилл Реденбахер⁸ или чей-нибудь двоюродный дедушка Сэмюэль? – Выдержав паузу, Иэн продолжает: – Действительно ли это «чудесное» явление необъяснимо? Действительно ли оно божественно? Или это просто случайное совпадение того, что запрограммировано в человеческом сознании, с тем, что люди хотят увидеть?

Одна из монашек ахает, отец Рейнольдс, приходской священник, делает шаг вперед:

– Мистер Флетчер, существуют документированные случаи религиозных чудес, признанных Святым престолом...

– Как, например, явление Девы Марии в луже на платформе мексиканского метро, случившееся несколько лет назад?

– Полагаю, это еще не прошло стадии утверждения.

– Да ладно вам, отец Рейнольдс! Если бы вы были Девой Марией, разве вам бы не захотелось выбрать для явления какое-нибудь более приятное место, чем лужа мазута на заплыванном перроне? Неужели вы не можете допустить, что это не то, чем кажется?

Священник трогает себя пальцем за подбородок и медленно произносит:

– Я могу. А вы?

В толпе хихикают. Флетчер понимает, что допустил про-

⁸ *Орвилл Реденбахер* (1907–1995) – американский сельскохозяйственный промышленник, чье имя носит популярная марка воздушной кукурузы.

мах. Черт бы побрал этот прямой эфир!

– Леди и джентльмены, разрешите представить вам доктора наук Ирвина Нагеля, дендролога из Принстонского университета. Вам слово, профессор.

– Древесина, – говорит ученый, – состоит из нескольких разновидностей ксилемы. В ней есть сосуды, по которым разносятся вещества, питающие ствол. «Картины», подобные этой, получаются совершенно естественным путем. По мере того как дерево растет, внутренние слои перестают проводить питание. Они пропитываются смолой, камедью и таннином. Все это твердеет и густеет. То, что супруги Маккинни увидели на сломе своей яблони, – всего лишь отложения в сердцевине дерева.

Иэн кивком подзывает к себе продюсера:

– Что скажешь?

– Не знаю, купится ли на это аудитория, – шепотом отвечает Джеймс. – Но насчет метро ты лихо прошелся.

Вдруг доктор Нагель поднимает угрожающе большие садовые ножницы:

– С разрешения Маккинни я отрезаю первую попавшуюся ветку. – (Срез светлой молодой древесины как будто бы краснеет, после чего на нем отчетливо вырисовываются три кольца.) – Вот, пожалуйста. Похоже на Микки-Мауса.

Иэн выходит на первый план:

– Профессор имеет в виду, что явление лика Христа на сломе этой яблони – всего лишь каприз природы. Подобные

вещи не редкость для деревьев такого возраста и размера. – По наитию Иэн достает из кармана черный маркер и обводит очертания, проступившие на оголенных внутренностях яблони. – Родди, – обращается он к знакомому репортеру, – что это?

– Луна, – отвечает тот, прищурившись.

– А вы как считаете, отец Рейнольдс?

– Чаша.

– А вы, профессор?

– Полукруг, – отвечает доктор Нагель.

Иэн с громким щелчком надевает на маркер колпачок:

– Наше восприятие – очень мощная вещь. Я говорю: «Нет, это не лицо Иисуса». Таково мое мнение. Я могу быть прав или не прав, мои слова недоказуемы, и вы имеете полное право в них сомневаться. Но в таком случае, когда Билл Маккинни и отец Рейнольдс утверждают: «Да, это лицо Иисуса», они тоже просто высказывают свое мнение, которое невозможно доказать. Не важно, согласится с ними папа римский, президент или большинство населения земного шара. То, что они видят, все равно не станет объективным фактом. И если вы не верите мне, то почему верите им?

– Знаешь, из того, что он говорит, я половины не понимаю, и все-таки он потрясающий, – заявляет Милли. – Гляди: священник стоит почти лиловый.

– Ма, может, выключим? – смеется Мэрайя. – Или следу-

ющим будет шоу Джерри Спрингера?

– Очень смешно. Он же поэт, Мэрайя! Да ты только послушай.

– По-моему, он присвоил себе чей-то чужой текст, – замечает Мэрайя, когда Иэн Флетчер берет толстую Библию и начинает язвительно цитировать: «...только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть»⁹.

Вера входит в комнату и садится на диван:

– А я знаю эти слова.

Удивительно, но Мэрайе ветхозаветный текст тоже кажется знакомым, хотя она не понимает почему. Сама она много лет не держала в руках Библию, а ее дочка, пожалуй, вообще не знает, что это такое. Они с Колином отложили начало Вериного религиозного воспитания на неопределенный срок, поскольку ни он, ни она не могли говорить с ребенком о Боге, не лицемеря.

– «И сказал змей жене...»¹⁰

Вера что-то бормочет себе под нос. Мэрайя, предположив худшее, скрещивает руки на груди:

– Что это было, юная леди?

– «...нет, не умрете»¹¹.

Как только эти слова произносит Вера, Иэн Флетчер их

⁹ Быт. 3: 3.

¹⁰ Быт. 3: 4.

¹¹ Там же.

повторяет и, сорвав яблоко с дерева Маккинни, демонстративно откусывает большой кусок. Только теперь Мэрайя вспоминает, где она недавно слышала этот текст: несколько дней назад его тихонько напевала Вера, сидя на качелях глубокой ночью. Вера, которая за семь лет своей жизни еще ни разу не побывала ни в церкви, ни в синагоге, Вера, которая никогда не ходила ни в воскресную, ни в еврейскую школу, напевала стих из Книги Бытия, как если бы это была простая считалочка.

Сотрудники телекомпании, основанной Иэном Флетчером в Лос-Анджелесе, предпочитают держаться от своего босса на приличном расстоянии, поскольку опасаются его взрывного темперамента и умения оборачивать их слова против них самих. Кроме того, в случае, если насчет Бога он окажется не прав, им не хочется в день Страшного суда гореть вместе с ним в геенне огненной. Мистер Флетчер достаточно платит сотрудникам, чтобы они уважали его право на неприкосновенность частной жизни и наотрез отказывались давать интервью. Поэтому за пределами «Пэйган продакшн» ни одна живая душа не знает, что утром каждого вторника Иэн уезжает, а куда он уезжает, не знает вообще никто.

Конечно, все активно строят предположения: может быть, у Флетчера назначено постоянное время свиданий с женщиной, может, он летает на ковен ведьм, а может, звонит папе римскому, который втайне от своей паствы является соучре-

директором их телекомпании. Несколько раз самые смелые из сотрудников на спор пытались проследить за черным джипом своего босса, но он всегда отрывался от них, наматывая круги по лос-анджелесской автостраде. Кто-то уверял, будто доехал за машиной Иэна до самого аэропорта, но коллеги не поверили. Куда человек может успеть слетать, если вечером того же дня ему уже надо быть на монтаже?

Утро вторника первой недели антирелигиозного похода застает Иэна Флетчера под сенью Древа Иисуса. Когда к «Виннебаго» подъезжает черный лимузин, Иэн беседует с Джеймсом и несколькими его помощниками о том, как пресса отреагировала на прошлый выпуск.

– Мне пора, – с облегчением говорит Флетчер.

Ему придется перестраивать сложившийся план и максимально экономить время, но поездка все же состоится, хотя и с вылетом из Мэна, а не из Лос-Анджелеса.

– Ты куда? – спрашивает Джеймс.

Иэн пожимает плечами:

– Есть кое-какие дела. Извини, я думал, что предупредил тебя о своем отъезде.

– Нет...

– К вечеру буду здесь, и мы закончим.

Схватив портфель и кожаную куртку, Иэн хлопает дверью автодома, а ровно через два с половиной часа уже переступает порог небольшого кирпичного здания. Идет по коридору уверенно – видно, что он здесь не впервые. Некоторые из

тех, кто ему встречается, приветственно кивают. В комнате отдыха, куда он входит, стоят дубовые столы, диваны с тканевой обивкой и несколько телевизоров. За угловым столиком сидит Майкл в оксфордской рубашке и свитере, хотя в помещении тепло. В руках у него игральные карты, которые он одну за другой переворачивает, бормоча:

– Бубновая дама, шестерка пик...

– Привет, Майкл, – мягко произносит Иэн, садясь рядом.

– Червовый король. Двойка пик. Семерка бубей...

Иэн подсаживается ближе:

– Как дела, Майкл?

Не переставая раскачиваться из стороны в сторону, мужчина твердо объявляет:

– Шестерка трэф!

– Да, приятель, – вздохнув, кивает Иэн, – шестерка трэф.

Он снова садится на прежнее место и смотрит, как чередуются карты: красная, черная, красная, черная...

– Ну вот! – восклицает Майкл. – Туз...

– В рукаве, – договаривает Иэн.

Впервые за все это время Майкл бросает на него беглый взгляд и, повторив как эхо: «Туз в рукаве», продолжает перебирать карты.

Иэн молча сидит до тех пор, пока не истекает ровно час с момента его прихода. Он знает: хотя Майкл никак на него не отреагировал, если уйти на каких-нибудь несколько минут раньше, тот обязательно заметит.

– Ладно, приятель, увидимся через неделю, – тихо говорит Иэн.

– Дама трэф, восьмерка бубей...

– Пока, – сглотнув, произносит Иэн.

Выйдя из здания, он отправляется обратно в Мэн.

Недавно Вера сделала открытие: если крепко-крепко зажмуриться и потереть глаза подушечками пальцев, начнут появляться звездочки и зеленовато-голубоватые круги. Эти круги, наверное, и есть Верины глазные яблоки, которые отражаются, как в зеркале, на изнанке ее век. А если она тянет себя за уголки глаз, то видит вспышку красного цвета – цвета гнева.

Вера проделывала этот эксперимент много раз, но со вчерашнего дня он перестал ей удаваться. Дело в том, что в школе начались занятия. Уилли Мерсер заявил, что только малявки носят ланч в коробке с русалочкой, а когда Вера, попытавшись его проигнорировать, заговорила шепотом со своей хранительницей, он засмеялся и сказал, что у нее едет крыша. Тогда Вера закрыла глаза, чтобы его не видеть, но это не помогло ей успокоиться, зато вскоре школьная медсестра позвонила маме и сказала: «Ваша дочь не переставая трет глаза. Наверное, у нее конъюнктивит».

– Вера, у тебя болят глазки? – спрашивает доктор Келлер.

– Нет, но все почему-то так думают.

– Да, твоя мама рассказала мне, что было вчера в школе.

Вера моргает и щурится, глядя на лампу дневного света:

– Я не болею.

– Не болеешь?

– Мне просто нравится это делать. Так я вижу разные вещи. Попробуйте сами, – предлагает она, вздернув подбородок.

К ее удивлению, доктор Келлер действительно снимает очки и трет глаза:

– Я вижу что-то белое, похожее на луну.

– Это внутренность вашего глаза.

– Правда? – Доктор Келлер снова надевает очки. – Ты это точно знаешь?

– Ну нет, не точно, – признается Вера. – Но вам не кажется, что глаза, даже если их закрыть, все равно смотрят?

– Очень может быть. А ты, когда закрываешь глазки, видишь свою подругу?

Вообще-то, Вера не любит говорить о хранильнице. Но доктор Келлер сильно удивила ее, сняв очки и начав тереть глаза, что Вера еле слышно отвечает:

– Иногда.

Доктор Келлер внимательно смотрит на Веру, так, как никто уже давно не смотрел. Мама, когда пытаешься ей что-то рассказать, только говорит «да-да» или «угу», а сама думает о своем. Миссис Гренальди, учительница, вообще не смотрит детям в глаза, а пялится на их макушки, словно боится увидеть в волосах каких-нибудь жуков.

– Вы уже давно дружите?

– С кем? – спрашивает Вера, хотя догадывается, что доктора Келлер не проведешь.

– Вера, а у тебя есть еще друзья? – Психиатр слегка подается вперед.

– Конечно. Я играю с Эльзой и Сарой. И с Гэри, если мама заставляет. Но Гэри вытирает сопли о мою одежду, когда думает, что я не вижу.

– Я имею в виду таких друзей, как твоя хранительница.

– Нет, – подумав, отвечает Вера. – Я не знаю никого, кто был бы на нее похож.

– А она сейчас здесь? С нами?

– Нет, – отвечает Вера и оглядывается.

Ей неловко от этих расспросов.

– Твоя хранительница с тобой разговаривает?

– Да.

– Бывает, что она говорит тебе какие-нибудь страшные вещи?

Вера мотает головой:

– Она делает так, что мне становится лучше.

– Она прикасается к тебе?

– Иногда. – Вера закрывает глаза и надавливает на них большими пальцами. – Ночью она встряхивает меня, чтобы разбудить. И обнимает.

– Это, наверное, приятно, – произносит доктор Келлер.

– Она говорит, что очень меня любит, – смущенно кивает

Вера.

– Значит, она только твоя подруга? Больше ничья?

– Нет, – отвечает Вера, – у нее много друзей. Просто со мной она сейчас видится чаще. У меня тоже так было: раньше я часто ходила играть к Брианне, но ее перевели в другую школу, и теперь мы встречаемся редко.

– Твоя хранительница рассказывает тебе о тех, с кем еще она дружит?

Назвав несколько имен, Вера поясняет:

– С ними она играла давно. Сейчас уже не играет.

Доктор Келлер вдруг замолкает, что кажется странным. Обычно она прямо-таки забрасывает Веру вопросами – хоть уши затыкай. К тому же у нее подрагивают руки. Как у мамы, когда та глотает таблетки.

– Вера, – наконец произносит доктор, – ты... Тебе нравится... – Она делает глубокий вдох. – Ты когда-нибудь молилась о том, чтобы иметь такую подругу?

Вера морщит носик:

– Молиться? А это как?

По глазам доктора Келлер Мэрайя понимает, что та стоит на пороге какого-то открытия. Или, может быть, открытие уже сделано. Трудно сказать. Вера преспокойно играет в соседнем помещении, по другую сторону смотрового окна. Доктор садится за стол и жестом предлагает Мэрайе сесть напротив.

– Сегодня ваша дочка упомянула нескольких людей: Германа Иосифа из Штайнфельда, Елизавету из Шёнау, Юлиану Фальконьери...

Встретив вопросительный взгляд доктора Келлер, Мэрайя пожимает плечами:

– Не припомню, чтобы у нас были знакомые по фамилии Герман. А Шёнау – это где-то поблизости?

– Нет, миссис Уайт, – мягко отвечает доктор Келлер. – Это далеко.

– Может, она выдумала эти имена? – нервно усмехается Мэрайя. – Если у нее есть воображаемая подруга, то почему бы не... – Не договорив, она замолкает, ладони покрываются потом, хотя она сама не понимает, с чего вдруг разволновалась.

– Имена слишком сложные, чтобы семилетняя девочка могла их спонтанно сочинить. – Доктор Келлер потирает виски. – Вера упомянула реальных людей, которые жили в Средневековье.

Еще сильнее смешавшись, Мэрайя предполагает:

– Тогда, может быть, ей о них в школе рассказывали? В прошлом году, например, она была экспертом по дождевому лесу.

– Вера ходит в католическую школу?

– Ну что вы! Нет. Мы не католики, – отвечает Мэрайя и нерешительно улыбается. – А почему вы спрашиваете?

Доктор Келлер встает со стула и присаживается на край

стола:

– Видите ли, до того как я вышла замуж и получила диплом психиатра, меня звали Мэри Маргарет О’Салливан. Я жила в Иллинойсе, в городе Эванстоне. В детстве я каждое воскресенье ходила в церковь, на мою конфирмацию устроили большой праздник. До поступления в Йельский университет я училась в приходской школе. Поэтому знаю, кто такие Герман Иосиф, Елизавета и Юлиана. Это всё католические святые, миссис Уайт.

На несколько секунд Мэрайя теряет дар речи.

– Ну что ж... – наконец произносит она, не зная, какой реакции от нее ждут.

Доктор Келлер начинает расхаживать по кабинету:

– Мне кажется, все это время мы понимали Веру не совсем правильно. Слова, которые говорит ей ее хранительница... слова... они очень похожи...

– В каком смысле?

– Я думаю, – говорит доктор Келлер ровным голосом, – ваша дочь видит Бога.

Глава 3

*...Дух не устрашат
Ни время, ни пространство. Он в себе
Обрел свое пространство и создать
В себе из Рая – Ад и Рай из Ада
Он может.*

Дж. Мильтон. Потерянный рай

20 сентября 1999 года

В Гринхейвене была женщина, убежденная в том, что Дева Мария живет у нее в ухе. «Это чтобы удобнее было нашептывать мне пророчества», – поясняла она. Время от времени она приглашала медсестер, врачей и других пациентов посмотреть. Когда пришла моя очередь, мне на мгновение действительно показалось, будто какая-то розовая мембрана пульсирует. «Видишь?» – с нажимом спросила женщина, и я кивнула, не зная, которая из нас в эту минуту выглядела более сумасшедшей.

Вера постоянно пропускает занятия в школе, я две недели не прикасалась к своей работе. В больнице мы проводим больше времени, чем дома. Вере сделали МРТ, КТ и всевозможные анализы крови. Теперь мы знаем, что у нее нет ни опухоли мозга, ни проблем со щитовидной железой. Доктор Келлер посоветовалась с коллегами относительно того, как

следует расценивать Верино поведение, и сказала мне:

– С одной стороны, в психотических галлюцинациях взрослых почти всегда фигурирует Бог, дьявол или правительство, а с другой – в остальном Вера ведет себя совершенно нормально, не выказывая признаков психоза.

Доктор Келлер решила назначить Вере антипсихотическое лекарство. Если воображаемая подруга исчезнет, значит это была галлюцинация, а если нет... Впрочем, не стоит торопить события. Поживем – увидим.

Моя дочь не может разговаривать с Богом, уверенно говорю я себе, но в следующую же секунду думаю: а почему бы, собственно, и нет? В жизни много удивительных явлений, и все когда-нибудь бывает в первый раз. Какие бы странные вещи ни происходили с ребенком, хорошая мать всегда должна быть на его стороне. Но если я начну говорить, что Вера не сумасшедшая, а просто видит Бога, все примут за сумасшедшую меня. Опять.

Чтобы дать Вере рисперидон, я должна растолочь таблетку в ступке и смешать порошок с шоколадным пудингом, чтобы вкус не чувствовался. Доктор Келлер говорит, что антипсихотические препараты действуют быстро. Не придется ждать восемь недель, как в случае с прозаком и золофтом, чтобы понять, есть ли эффект. Нужно просто немножко понаблюдать за Верой.

Сейчас она спит, свернувшись калачиком, под одеялом с русалочкой. Казалось бы, обыкновенный спящий ребенок.

Видимо почувствовав, что я пришла, она потягивается, поворачивается и открывает глаза, но они затуманены под действием rispеридона. Вообще-то, чертами лица Вера пошла в Колина, но именно в этот момент я вдруг вижу в ней сходство с собой.

На какое-то время в мыслях я возвращаюсь в Гринхейвен, где провела несколько месяцев: вот за мной закрылась дверь, вот щелкнул замок, вот мне в руку воткнулся шприц с успокоительным. Вот я не понимаю, почему все: Колин, психиатр отделения экстренной медицинской помощи и даже судья – говорят за меня, хотя я сама так много хочу сказать. Нет, в нашей ситуации я, честно говоря, даже не знаю, что будет хуже: если Вера окажется душевнобольной или если она окажется нормальной.

– Чис-то-та, – произносит Вера по слогам.

Она уже во втором классе, и теперь мы активно занимаемся правописанием.

– Правильно. Теперь «доброта».

– До-бро-та.

Я кладу список слов на кухонный стол:

– Молодчина! Ни разу не ошиблась. Может, тебе самой стать учительницей?

– Да, это я могу, – уверенно отвечает Вера. – Моя хранительница говорит, что каждый способен чему-то научить других людей.

Я застываю: Вера уже два дня не говорила о своей воображаемой подруге и я начала думать, что антипсихотический препарат помог.

– Вот как? – отзываюсь я.

Интересно, ответит ли доктор Келлер, если я отправлю ей сообщение на пейджер? Отменит ли она лекарство только на основании моих наблюдений?

– Так твоя подруга не исчезла?

По выражению прищуренных глаз Веры я понимаю: она не случайно предпочитает не говорить о своей хранильнице. Бойтся, что это навлечет на нее неприятности.

– А почему ты спрашиваешь?

Доктор Келлер ответила бы: «Потому что хочу тебе помочь». Моя мама ответила бы: «Потому что, если твоя хранильница для тебя важна, я тоже должна с ней познакомиться». Но к моему удивлению, с моих губ срываются слова, принадлежащие именно мне:

– Потому что я тебя люблю.

Вера, кажется, потрясена не меньше, чем я сама:

– А-а... ладно.

– Послушай, – я беру ее за руки, – мне нужно тебе кое-что рассказать. – (Вера заинтересованно округляет глаза.) – Давно, когда ты еще не родилась, я кое из-за чего очень сильно расстроилась. Но вместо того чтобы рассказать другим людям, как я себя чувствую, я начала делать странные вещи. Неразумные вещи. Один мой поступок многих напугал,

и поэтому меня отправили туда, где я не хотела быть.

– В тюрьму, что ли?

– Не совсем. Сейчас это уже не имеет значения. Я просто хочу, чтобы ты знала: грустить – это нормально. Я пойму. Для этого тебе не нужно вести себя по-особенному.

У Веры дрожит подбородок.

– Я не грущу. И не веду себя по-особенному.

– Но ведь раньше у тебя не было хранильницы.

Слезы, до сих пор наполнявшие Верины глаза, проливаются наружу.

– Думаешь, я выдумала ее, да? Ты как доктор Келлер, и ребята в школе, и миссис Гренальди! Ты считаешь, что я просто хочу, чтобы меня заметили! – Внезапно Вера делает резкий вдох и кричит: – Теперь за это меня посадят в тюрьму?

Я крепко обнимаю ее:

– Ну что ты! Нет, конечно! Просто я, например, однажды так огорчилась, что мой мозг заставил меня поверить в то, что не было правдой. Больше я ничего не имею в виду.

Вера утыкается лицом мне в плечо и качает головой:

– Она настоящая. Настоящая.

Я закрываю глаза и тру пальцами переносицу, пытаюсь утихомирить головную боль. Ладно, Рим не в один день строился. Поднявшись и взяв со стола опустевшую тарелку из-под печенья, я уже собираюсь выйти из кухни, но Вера удерживает меня за край рубашки:

– Она хочет тебе кое-что сказать.

– Правда?

– Она знает про Присциллу. И прощает тебя.

Тарелка падает из моих рук на пол.

Когда мне было восемь лет, я так хотела иметь домашнего питомца, что начала тайком таскать в дом разную живность: лягушек, коробчатых черепах, как-то раз даже белочку принесла. Однажды, увидев черепашку, ползущую по кухонной столешнице, родители сдались. Решили не ждать, когда я притащу какую-нибудь заразу, а просто купить котенка. Мне подарили его при условии, что все другие животные останутся за дверью.

В то время я как раз взяла в библиотеке книжку, где принцессу звали Присциллой. Так я и назвала свою питомицу. Ночью она спала у меня на подушке, а ее хвост обвивал мою голову, как меховая шапочка. Я кормила ее молоком из своей миски с кукурузными хлопьями, надевала на нее кукольные платица, шляпки и хлопчатобумажные носочки.

Однажды мне пришлось в голову искупать Присциллу. Мама объяснила мне, что кошки боятся воды: они вылизывают себя дочиста, но никогда не моются. Но еще мама говорила, будто котенок не позволит себя пеленать и катать в игрушечной коляске, и оказалась не права. Поэтому солнечным днем, дождавшись, когда мама уйдет заниматься своими делами, я набрала на заднем дворе ведро воды, подозвала Присциллу и опустила ее туда. Она боролась: царапалась и извивалась

изо всех сил, но я крепко держала ее и терла шерстку мылом, которое стащила из родительской ванной. Я тщательно вымыла все те места, которым мама всегда призывала меня уделять особое внимание. Но о том, что котенку нужно давать дышать, я забыла.

Родителям я сказала, что Присцилла, наверное, как-то сама упала в ведро. Мне поверили: очень уж сильно я редела. Потом я долго не могла забыть, как хрупкие косточки шевелились под шерсткой. И даже сейчас, засыпая, я иногда чувствую на ладони тяжесть маленького тельца. Больше у меня никогда не было кошки. И о том, что тогда случилось, никто не узнал.

– Мэрайя, ну и зачем ты сейчас рассказываешь мне об этом? – спрашивает мама, невозмутимо глядя на меня.

Я бросаю взгляд на дверь маминой гостевой комнаты, где Вера играет в пуговки.

– Ты знала?

– Что?

– Что я утопила Присциллу.

Моя мать округляет глаза:

– До этой минуты, разумеется, нет.

– А папа?

Я считаю: Вере было два года, когда умер ее дедушка. Может ли она его помнить?

Мама дотрагивается до моей руки:

– Мэрайя, ты нормально себя чувствуешь?

– Нет, ма, не нормально. Я пытаюсь выяснить, откуда моя дочь знает то, о чем я ни одной живой душе не говорила. Я пытаюсь понять: у меня рецидив, или Вера сходит с ума, или... – Я замолкаю, стыдясь того, что хочу сказать.

– Или что?

Я смотрю сначала на маму, потом в конец коридора, откуда слышится Верин голосок. О таком говорить непросто. Это не то же самое, что похвастаться умением ребенка решать сложные задачи по математике или плавать на спине. Это вселяет тревогу, это проводит черту между мной и человеком, которому я решаю довериться.

– Или Вера говорит правду, – шепчу я.

– О господи! – восклицает мама, хмурясь. – У тебя рецидив.

– С чего ты взяла? Почему так трудно допустить, что Вера разговаривает с Богом?

– Спроси об этом мать Моисея.

Меня поражает догадка.

– Да ты ей не веришь! Не веришь собственной внучке!

Выглянув в коридор и убедившись, что Вера по-прежнему занята игрой, мама шипит:

– Нельзя ли потише? Я не говорю, что не верю ей. Просто я не тороплюсь с выводами.

– В меня же ты поверила! После того как я попыталась покончить с собой, ты все время меня поддерживала. Не слу-

шала ни Колина, ни судью, ни врачей в Гринхейвене, которые в один голос говорили, что меня надо лечить принудительно.

– То было другое дело. Там был отдельный инцидент, и противостояла я не здравому смыслу, а Колину. – Мама скидывает руки. – Мэрайя, во имя религии люди до сих пор убивают друг друга!

– То есть если бы твоя внучка видела Авраама Линкольна или Клеопатру, ты бы поверила ей охотнее? Бог – не бранное слово, ма.

– Как посмотреть.

23 сентября 1999 года

После обеда почтальон принес мне счет за электричество, счет за телефон и извещение о разводе.

В официальном конверте из окружного суда Графтона толстая стопка документов. Разрывая его, я режу себе палец бумагой. Прошло шесть недель, и мой брак аннулирован. В разных культурах расставание мужчины и женщины происходит по-разному: у индейцев обувь мужа выносятся из вигвама, арабы трижды говорят: «Отпускаю тебя». Все это вдруг перестает казаться мне глупым. Я пытаюсь представить себе, как Колин и его адвокат стоят перед судьей на заседании, о котором я даже не знала. Что мне теперь делать с этими документами? Положить в шкатулку между разрешением на вступление в брак и паспортом? В любом случае я не пони-

маю, как можно уместить столько лет жизни в пачку бумаг.

У меня вдруг возникает такое ощущение, будто сердце перестает умещаться в груди. Годами я делала то, чего хотел Колин. Подражала женщинам, которых видела один раз издалека: носила жакеты из вареной шерсти и с яркими принтами от Лилли Пулитцер, устраивала чаепития для детей его коллег, перед Рождеством украшала камин гирляндами. Ради Колина я превратилась в оболочку, которой он мог гордиться. Я была его женой, и если теперь я ею уже не являюсь, то мне просто непонятно, кто я.

Пытаюсь представить себе мужа – с этих пор бывшего – в форме университетской футбольной команды. Или вспомнить, как он сжимал мою руку на свадьбе. Пытаюсь, но не могу: картинки кажутся слишком далекими и неясными. Вероятно, так всегда бывает с сердечными ранами: память редактирует прошлое, чтобы выдумки становились легендой, а несчастья не происходили. Но все равно, стоит мне только посмотреть на Веру, я сразу пойму, что обманываю себя.

Я бросаю конверт на кухонный стол, как перчатку. Чем всегда бывает тягостен конец, так это устрашающей необходимостью начинать сначала.

– Господи, помоги мне! – восклицаю я, закрывая лицо руками, и позволяю себе расплакаться.

– Мамочка! – кричит Вера, вбегая в кухню. – Оказывается, есть книжка обо мне! – Она увивается вокруг меня, по-

ка я нарежаю морковь к обеду. – Мы можем ее прочесть? Можем?

Я смотрю на нее с удивлением, потому что она давно не была такой оживленной. От rispеридона ее поначалу клонило в сон. Только в последнее время организм вроде бы справился с побочными эффектами.

– Не знаю. А где ты слышала про эту книгу?

– От моей хранильницы, – отвечает она, и я ощущаю знакомое кручение в животе.

Вера подтаскивает табурет к доске, на которой мы фломастерами пишем разные заметки, и сосредоточенно царапает: «Мяерве».

– Так зовут парня, который ее написал. Ну пожалуйста!

Я смотрю на разделочную доску с морковью, нарезанной соломкой. И на покрасневшую от паприки куриную тушку, готовую отправиться в духовку. До городской библиотеки десять минут езды.

– Ладно. Иди бери свою карточку.

Вера так радуется, что меня начинает мучить совесть, ведь я собираюсь воспользоваться этой ситуацией, чтобы продемонстрировать дочке, в какие игры играет с ней ее сознание. Поскольку писателя Мяерве, скорее всего, не существует, она, возможно, поймет, что и хранильницы тоже нет.

Как и следовало ожидать, такой фамилии не оказалось ни в компьютерном, ни в обычном – пыльном бумажном – ка-

талогe библиотеки.

– Ну не знаю, Вера, – говорю я, – по-моему, мы зря приехали.

– В школе библиотекарша говорит, что у нас маленький город, поэтому иногда приходится заказывать книги в других библиотеках. Для этого нужно заполнить специальную бумажку. Давай спросим.

Лучше подыграть ей, думаю я и веду ее за руку к сотруднице детского отдела.

– Здравствуйте. Мы ищем книгу некоего Мьерве.

– Это книга для детей?

– Про меня, – кивает Вера.

Библиотекарша улыбается:

– В каталогах вы, наверное, уже посмотрели. Не припомню, чтобы я слышала о таком авторе... – Она задумчиво постукивает пальцем по подбородку. – А сколько тебе лет?

– Через десять с половиной месяцев будет восемь.

Библиотекарша нагибается к Вере:

– Откуда ты взяла эту фамилию?

Вера быстро переводит взгляд на меня:

– Мне ее написали.

– Ага... – Библиотекарша берет со стола листочек бумаги. – В свое время я преподавала в первом классе. Дети такого возраста иногда читают задом наперед. Это нормально. – Она переписывает буквы в обратном порядке. – Ну вот. Другое дело.

Вера, прищурившись, читает:

– «Евреям»? А что это такое?

– Думаю, ты ищешь вот эту книгу, – подмигивает ей библиотечарша, доставая с полки Библию и открывая Послание к Евреям.

Вера начинает перелистывать страницы и, дойдя до одиннадцатой главы, тут же распознает буквы собственного имени.

– Нашла! – радуется она. – Это про меня!

Я опускаю глаза и вижу сорок стихов о том, что достигается благодаря вере. Дочка, спотыкаясь, начинает читать:

– «Вера же есть осу... осуще...»

– Осуществление.

– «...осуществление о-жи-да-е-мо-го, – продолжает она, – и у-ве-рен-ность в не-ви-ди-мом».

Слушая ее, я закрываю глаза и пытаюсь найти хоть какое-нибудь объяснение происходящему. Может, этот текст просто попался Вере на глаза и она обратила внимание на свое имя, затесавшееся среди непонятных слов? Но где? У нас дома Библии нет.

Я всегда завидовала глубоко верующим людям, которые, когда случается беда, молятся и знают, что все будет хорошо. Как бы ненаучно это ни было, иногда очень хочется переложить свои обязанности и свою боль на чьи-то сильные плечи. Если бы вы спросили меня месяц назад, верю ли я в Бога, я бы сказала «да». Если бы вы спросили, хочу ли я, чтобы

в Бога верила моя дочь, я бы тоже сказала «да».

Я просто не хотела ее этому учить.

– Скажи своему Богу... – шепчу я ей, – скажи, что я верю.

Насколько я помню, до всех этих событий Вера спрашивала меня о Боге только один раз. Ей было пять лет, и она декламировала мне клятву верности флагу, которую только что выучила в школе:

– Обязуюсь хранить верность флагу Соединенных Штатов Америки и Республике, которую он олицетворяет, единой перед Богом... А кто такой Бог?

Растерявшись, я попыталась сформулировать универсальный ответ, чтобы не касаться религиозных различий. То есть не трогать Иисуса. К тому же нужно было подобрать слова, понятные ребенку.

– Ну-у, – наконец протянула я, – это как бы самый главный из всех ангелов. Он живет в раю. Это такое место высоко-высоко на небе. Его работа – смотреть за нами, чтобы у нас все было хорошо.

Поразмыслив, Вера подытожила:

– Значит, Бог – большая нянька.

– Точно, – с облегчением выдохнула я.

– Но ты говоришь «он», – подметила Вера, – а все няни, с которыми ты меня оставляешь, – девочки.

Когда доктор Келлер говорит, что моя дочь видит Бога

в психотических галлюцинациях, мне тяжело это слышать. Но думать о другом варианте еще тяжелее. С маленькими девочками такого не происходит, говорю я себе бессонной ночью, но понимаю, что некомпетентна рассуждать о подобных вещах. Может, это, наоборот, свойственно семилетним детям. Как искать монстров под кроватью или балдеть от группы *Hanson*. На следующий день я оставляю Веру с мамой и еду в библиотеку Бейкер-Берри Дартмутского колледжа. Прошу библиотекаря посоветовать мне что-нибудь о восприятии Бога детьми. Потом долго брожу по темным лабиринтам стеллажей и наконец нахожу ту книгу, которую она порекомендовала. К моему удивлению, это оказывается не работа доктора Спока, не научный труд о воспитании детей, а «Жития святых» Батлера. Я беру в руки старый том и забавы ради открываю: думаю, посмеюсь, прежде чем идти искать доктора Спока. В итоге я даже сама не замечаю, как провожу целый день, читая о Бернадетте Субиру из Лурда, несколько раз говорившей с Девой Марией в 1858 году, о Юлиане Фальконьери, жившей в XIV веке (сам Христос увенчал ее цветами), о явлениях Божией Матери португальским ребятишкам в городе Фатиме. Многие дети были не старше Веры, некоторые росли в нерелигиозных семьях, и тем не менее их выбрали.

Я достаю блокнот и записываю имена всех визионеров XIII, XIV и даже XIX века. Все, кто видел женщину в голубом плаще, называли ее Девой Марией. Все, кому являлся

некто в белом одеянии, в сандалиях и с длинными волосами, утверждали, что узрели Господа и говорили о Нем в мужском роде.

Все, кроме Веры.

– Ну? – шепотом спрашиваю я у мамы, вернувшись из библиотеки. – Как она?

– Нормально, – громко отвечает мама. – Она не спит.

– Я имела в виду... ты понимаешь. Продолжает ли она видеть...

– Бога?

– Да.

Я прохожу в кухню, отламываю от ветки банан и начинаю его очищать.

– Это у нее пройдет. Вот увидишь, – пожимает плечами мама.

Банан застревает у меня в горле.

– А если не пройдет? – с трудом сглотнув, спрашиваю я.

Мама ласково улыбается:

– Ну, тогда доктор Келлер назначит другое лекарство, которое подействует.

– Да нет, я не это имела в виду. Я имела в виду... Что, если это все правда?

Мама перестает вытирать столешницу:

– Мэрайя, да что ты такое говоришь?!

– Подобные явления ведь уже бывали. Были другие дети,

которые тоже... видели. И это признано католическими священниками, или папой, или как там у них это делается...

– Вера не католичка.

– Я знаю. Знаю, что у нас нерелигиозная семья. Но не знаю, дается ли нам право выбора, когда дело касается таких вещей. – Я делаю глубокий вдох. – Я не уверена, что ты, я и психиатр – те люди, которые действительно могут об этом судить.

– А кто же может? – спрашивает мама и закатывает глаза. – Ох, Мэрайя! Ты ведь не потащишь ребенка к священнику?

– Почему бы и нет? Церковники знают о видениях побольше нас с тобой.

– Им понадобятся доказательства. Чтобы статуя заплакала или какой-нибудь паралитик встал и пошел.

– Не обязательно. Слов ребенка иногда бывает достаточно.

– Когда это ты успела стать таким экспертом по христианству? – усмехается мама.

– Тут дело не в религии.

– Разве? Тогда в чем же?

– В моей дочери, – отвечаю я, и слезы наворачиваются мне на глаза. – Ма, она не такая, как все. В ней есть что-то, из-за чего люди скоро начнут показывать на нее пальцем и шептаться. И это не родимое пятно, которое я могла бы спрятать под водолазку и делать вид, будто его нет.

– А чем тебе поможет разговор со священником?

Я и сама не знаю, чего жду. Чтобы из моей дочери изгнали нечистую силу или чтобы признали ее визионером? Я вдруг отчетливо вспоминаю, как несколько лет назад стояла на перекрестке перед красным светофором, уверенная в том, что все видят мои шрамы, спрятанные под рукавами. Мне казалось, люди знают о тонких, но неустранимых различиях между мной и ими. Своей дочери я такого не желаю.

– Я просто хочу, чтобы Вера снова стала нормальным ребенком, – говорю я.

Мама пристально смотрит на меня:

– Ну ладно. Поступай как знаешь. Только начинать надо не с церкви. – Порывшись в стареньком вращающемся каталоге, она достает карточку, пожелтевшую и ветхую – то ли от частого использования, то ли, наоборот, от долгого забвения. – Так зовут местного раввина. Вне зависимости от того, хочешь ли ты это признавать, твоя дочь – еврейка.

Равви Марвин Вайсман.

– Не знала, что ты ходишь в синагогу.

– А я и не хожу, – отвечает мама, пожимая плечами. – Мне просто передали эту визитку.

Я кладу карточку в карман:

– Хорошо, я позвоню сначала ему. Только он вряд ли мне поверит. Ни в одной из книг, которые я сегодня читала, не говорилось о том, чтобы у иудеев бывали божественные видения.

Мама скребет ногтем большого пальца край столешницы:
– Ну и что?

И хотя я несколько раз проходила мимо нью-ханаанской синагоги, внутрь никогда не заглядывала. В здании темно и пахнет плесенью. Тусклый свет сочится сквозь длинные узкие витражи, расположенные через равные промежутки. На пестро украшенной доске объявлений – имена учеников еврейской школы. Вера жметя ко мне:

– Тут страшно.

– Совсем даже не страшно, – сжимая ее руку, говорю я, хотя в глубине души согласна с ней. – Погляди, какие красивые окошки!

Вера смотрит на витражи, потом опять на меня:

– И все-таки страшно.

Из конца коридора доносится шум приближающихся шагов. Вскоре появляются мужчина и женщина, на ходу выясняющие отношения.

– Тебе трудно сказать что-нибудь хорошее?! – кричит она. – Тебе лишь бы сделать так, чтобы я выглядела идиоткой?

– По-твоему, я специально заставляю тебя психовать? – громогласно отвечает он. – Я похож на такого человека?

Не обращая на нас ни малейшего внимания, они сдергивают свои куртки с вешалки.

– Вера, – шепчу я, заметив, что она не сводит глаз с со-

рящейся пары, – не смотри так. Это невежливо.

Но она, словно в трансе, продолжает смотреть широко открытыми, грустными и какими-то странными глазами. Может, вспоминает мои ссоры с Колином? Вообще-то, мы выясняли отношения за закрытой дверью спальни, но, видимо, наши голоса все равно были слышны. Мужчина и женщина выходят на улицу. Гнев ощутимо связывает их, как связывал бы единственный ребенок, если бы они крепко держали его за руки.

Вдруг появляется равви Вайсман в клетчатой рубашке и джинсах. По виду он не старше меня.

– Миссис Уайт? Вера? Извините, что опоздал. Перед вами у меня была назначена встреча с другими людьми.

Значит, сердитые супруги приходили к нему за советом. Вот, оказывается, как поступают некоторые пары, когда брак рушится?

Я продолжаю молчать. Раввин смотрит на меня вопросительно:

– Что-то не так?

– Нет, – смущенно мотаю я головой. – Просто я ожидала увидеть вас с длинной седой бородой.

Он поглаживает бритые щеки:

– Вы, наверное, «Скрипача на крыше»¹² насмотрелись. А я – вот он. Уж какой есть. – При этих словах он подмигивает

¹² «Скрипач на крыше» – американский музыкальный фильм, основанный на рассказах Шолом-Алейхема.

и сует Вере в руку леденец. – Почему бы нам всем не зайти в святилище?

Святилище. Ну ладно.

Потолок молитвенного зала опирается на высокие стропила и украшен каннелюрами. Аккуратно расставленные скамьи напоминают зубы. Бима¹³ покрыта синим бархатом. Раввин достает из кармана рубашки маленький набор цветных мелков и протягивает их Вере вместе с несколькими листками бумаги:

– Я хочу твоей маме кое-что показать, а ты пока порисуй, ладно?

Вера, уже успевшая вытащить мелки из коробочки, кивает. Раввин отводит меня в дальний угол зала, где мы можем спокойно поговорить, не оставляя ребенка без присмотра.

– Итак, ваша дочь разговаривает с Богом.

Прямолинейность этой формулировки заставляет меня покраснеть:

– Думаю, да.

– И почему вы захотели со мной поговорить?

Неужели не очевидно?

– Видите ли, я была еврейкой. То есть меня воспитывали в этом духе...

– Но вы перешли в христианство?

– Нет, я просто отошла от религии. А потом вступила в

¹³ *Бима* – возвышение, обычно в центре синагоги, где находится специальный стол для публичного чтения свитка Торы во время богослужения.

брак с протестантом.

– Но вы все равно еврейка, – говорит раввин. – Вы можете быть агностиком, можете не исповедовать иудаизм, но еврейкой вы остаетесь. Это как принадлежность к семье: чтобы вас вышвырнули, нужно очень уж сильно набедокурить.

– Моя мать говорит, что Вера тоже еврейка. Формально. Поэтому я здесь.

– Вера разговаривает с Богом? – (Я еле заметно наклоняю голову, и все же это утвердительный ответ.) – Миссис Уайт, я не вижу в этом проблемы.

– То есть как не видите?

– Многие евреи разговаривают с Господом. В иудаизме верующие могут обращаться к Нему напрямую. Так что, если Вера говорит с Богом, – это нормально. Вот если Бог говорит с Верой – это уже другое дело.

Я рассказываю о том, как моя дочь на качелях распевала стих из Книги Бытия, как заставила меня пойти в библиотеку за Посланием к Евреям, как упомянула об утопленном мною котенке, хотя я хранила эту историю в тайне. Дослушав меня, раввин спрашивает:

– Вера получала от Бога какие-нибудь пророчества? Какие-нибудь указания относительно того, как искоренить зло на Земле?

– Нет, ничего такого она ей не говорила.

– Она? – переспрашивает раввин после небольшой паузы.

– Да. Того, кто к ней является, Вера называет хранитель-

ницей.

– Я бы хотел поговорить с вашей дочкой.

Я оставляю их в молельном зале вдвоем. Через полчаса раввин Вайсман выходит ко мне в притвор.

– Маймонид, – говорит он так, будто мы не прерывали нашего разговора, – пытался объяснить, что представляет собой лик Господа. Это не обычное лицо, ведь Бог не человек. Это ощущение того, что Он здесь и все ведает. Как Он создал нас по Своему образу и подобию, так и мы создаем Его по нашему образу и подобию. Чтобы нам проще было думать о Нем. В Мидраше упоминается несколько случаев, когда Бог зримо явился людям: на Красном море Он принял обличье молодого воина, на горе Синай – обличье старого судьи. Почему не наоборот? Потому что при переходе через море людям был нужен герой. Старец бы не подошел. – Раввин поворачивается ко мне. – Впрочем, вы все это, наверное, и сами знаете.

– Нет. В первый раз слышу.

– Правда? – Равви Вайсман внимательно меня изучает. – Я попросил вашу дочь нарисовать того Бога, которого она видит.

Он протягивает мне изрисованный мелкими листок. Я не ожидаю ничего удивительного, ведь Вера и раньше изображала свою хранительницу. Но на этот раз рисунок выглядит по-новому: женщина в белом сидит на стуле и держит

на руках десять младенцев – черных, белых, красных и желтых. При всей схематичности изображения лицо этой матери чем-то похоже на мое.

– Вы хотите сказать, что Вера думает, будто Бог похож на меня? – наконец спрашиваю я.

– Я этого не говорю, – пожимает плечами равви Вайсман. – Но другие могут.

Видя дорогой итальянский костюм, аккуратно причесанные волосы и изысканные манеры доктора Грейди Де Врие, специалиста по детской шизофрении, трудно предположить, что большую часть трехчасового сеанса он проведет на полу с Верой и лысой Барби. Однако, сидя у смотрового окна, я вижу, что именно так он и поступает. Наконец они с доктором Келлер выходят ко мне.

– Миссис Уайт, – говорит доктор Келлер, – доктор Де Врие хочет с вами поговорить.

Он садится напротив меня:

– С какой новости начать: с хорошей или с плохой?

– С хорошей.

– Рисперидон мы отменяем. Психоза у вашей дочери нет. Я больше двадцати лет изучал психотические расстройства у детей, писал на эту тему статьи и книги, выступал как эксперт на судебных процессах... Я это к тому говорю, что вы можете на меня положиться: во всем, кроме одного-единственного аспекта, Вера – психически здоровая и в разум-

ных пределах довольная жизнью семилетняя девочка.

– В чем же заключается плохая новость?

Доктор Де Врие потирает глаза большим и указательным пальцем:

– В том, что она действительно что-то слышит и с кем-то разговаривает. Та информация, которую она озвучивает, в значительной степени не соответствует ее возрасту и не обусловлена ситуацией. Поэтому приписать ее слова воображению мы не можем. Но это не физическая болезнь. И на психическую также не похоже. – Доктор Де Врие смотрит на свою коллегу. – С вашего разрешения, миссис Уайт, я хотел бы попросить доктора Келлер представить Верин случай на симпозиуме психиатров. Может быть, в ходе дискуссии будут высказаны какие-нибудь предположения.

Через смотровое окошко я вижу, как Вера запускает в воздух летающую балерину и смеется, когда загораются яркие огоньки.

– Не знаю... Мне бы не хотелось, чтобы ее показывали как какую-то диковину.

– Миссис Уайт, присутствие девочки не понадобится. И имен мы называть не будем.

– Вы думаете, что ваши коллеги помогут вам понять, в чем проблема?

Доктор Де Врие и доктор Келлер обмениваются взглядами.

– Мы надеемся, – говорит он. – Но может оказаться и так,

что это явление не из разряда тех, на которые мы способны влиять.

Глава 4

*В сомнение честном больше веры,
Чем в половине строгих вер.
А. Теннисон. Памяти А. Г. Х.¹⁴*

27 сентября 1999 года

Если Аллена Макмануса отправляют освещать какой-нибудь симпозиум, он воспринимает это как дополнительные шесть часов сна. Когда в отель «Бостон харбор» съезжает определенное количество высококолых профессоров, газета «Бостон глоб» непременно посылает туда внештатника, и выбор всегда падает на него, Аллена, хотя, вообще-то, он специализируется на некрологах. Видимо, главный редактор улавливает связь: на этих конференциях, как правило, немудрено умереть от тоски.

Аллен, сгорбившись, сидит в одном из последних рядов аудитории. Он успел записать название симпозиума и считает, что этой информации достаточно, чтобы заполнить те две газетные строки, которые не жалко потратить на такую скукотищу. Он уже приготовился накрыть лицо шляпой и вздремнуть, но к кафедре подходит привлекательная женщина. Ее появление пробуждает любопытство: несмотря на свою журналистскую специализацию, Аллен все-таки живой.

¹⁴ Перевод Э. А. Соловковой.

Почти все другие докладчики – старые говнюки, похожие либо на его отца, либо на сурового священника той церкви, где он в детстве прислуживал у алтаря. А тут вдруг такая приятная неожиданность! Впервые за весь день Аллен встрепнулся.

У женщины стройная, изящная фигура. Волосы причесаны без выкрутасов. Она заправила их за уши, чтобы не мешали раскладывать листки.

– Доброе утро, леди и джентльмены. Я доктор Мэри Келлер, – говорит она и, бросив взгляд на свои заметки, делает небольшую паузу. Подумав, продолжает: – Тема моего доклада довольно нестандартная, поэтому я решила не зачитывать готовый текст, а просто рассказать вам о двух изученных мной случаях. Первый из моей нынешней практики: мать привела семилетнюю дочь ко мне на лечение, потому что у нее появилась воображаемая подруга, которую она считает Богом. А второй случай тридцатилетней давности.

И доктор Келлер рассказывает о том, как в католической школе пятилетнюю девочку заставляли в знак покаяния подолгу простаивать на коленях. Однажды она почувствовала рядом с собой шевеление чего-то теплого и упругого. Обернулась, но никого не увидела.

– Итак, я ставлю перед вами следующий вопрос: если отсутствуют физические причины галлюцинации и общепризнанного набора симптомов психического расстройства также не наблюдается, то какой же диагноз правомерно ста-

вить?

Доктора, сидевшие впереди Аллена, заерзали. Вот это да! – подумал он, чувствуя, к чему идет дело. Женщина совершает профессиональное самоубийство.

– Если и физическое, и психическое заболевание исключается, то можем ли мы, психиатры, объяснить такое поведение? Можем ли мы говорить не о галлюцинации, а о реальном зрительном восприятии? – Доктор Келлер медленно обводит глазами недоверчивые лица своих слушателей. – Я спрашиваю вас об этом, потому что точно знаю: как минимум одна из этих двух девочек говорит правду. Это я тридцать лет назад стояла на коленях в часовне и ощутила... нечто неопишное. А теперь, работая с маленькой пациенткой в своем кабинете, я опять испытала похожее чувство.

Оторвав взгляд от докладчицы, Аллен Макманус выскальзывает из зала и звонит своему редактору.

У выхода на посадку Колин смотрит, как Джессика в сотый раз перепроверяет билеты. Внешне она несколько не выделяется среди других пассажиров, путешествующих по работе. На ней, как и на самом Колине, деловой костюм, в руках сумка с ноутбуком. По виду Джессики не скажешь, что после десятидневной конференции по сбыту в Лас-Вегасе ей предстоит венчание в часовне для автомобилистов с последующей медовой неделей походов по казино.

– Волнуешься? – мурлычет она, прижимаясь к Колину. –

Я – да.

– Мне... хм... Я на минутку, – говорит он и исчезает в направлении мужского туалета.

Мысль о женитьбе в Лас-Вегасе не приводит его в восторг. Конвейерная процедура регистрации, поющий двойник Элвиса, букет за пять долларов... С Мэрайей все было совсем по-другому. Насчет Вегаса – это была идея Джессики. «Мы же все равно туда едем. К тому же представь себе, – рассмеялась она, поглаживая живот, – какие истории мы будем ему рассказывать».

Колин спрашивает себя, не продлился бы его первый брак дольше, если бы церемония состоялась в часовне Лунного Света в Вегасе, а не в церкви Святого Фомы в Виргинии и с меньшей помпой. Если бы он станцевал эту... как ее... хору и разбил ногой бокал, если бы не был так убежден в том, что именно его путь правильный, то, вероятно, различия между ним и Мэрайей не обострились бы до такой степени? А в итоге Колин чувствует себя виноватым в том, что с ней произошло. В угоду своим желаниям он просил ее прогибаться, пока она не сломалась.

Вместо того чтобы зайти в туалет, он заходит в тесную телефонную кабинку и набирает номер своего бывшего дома:

– Привет, Мэрайя.

– Привет, Колин, – отвечает она после секундной паузы, и в ее голосе он слышит то, чего не хотел бы слышать, – нотку восторга.

Она всегда ждала его как спасителя, и это слишком ко многому обязывало. Никто в здравом уме не захотел бы брать на себя такую ответственность. Прижавшись лбом к металлической стенке кабинки, Колин пытается собраться с мыслями и сказать то, что должен, но вместо этого спрашивает:

– Как Верина спина?

– Гораздо лучше. Уже носим нормальную одежду.

– Хорошо.

Снова повисает пауза, и Колин вспоминает, что такие пробы в разговоре всегда очень нервировали Мэрайю. Раньше она болтала обо всем подряд, лишь бы не молчать. А вот сейчас молчит. Такое ощущение, будто она так же, как и он, хранит какую-то тайну.

– У тебя все в порядке? – наконец спрашивает Мэрайя.

– Да. Еду в Лас-Вегас на конференцию.

– Ясно, – говорит она мягким ровным голосом, но он чувствует, что за этим коротким словом стоит вопрос: «Неужели ты можешь продолжать жизнь как ни в чем не бывало?» – Наверное, ты хочешь поговорить с Верой?

– А можно?

– Разумеется, можно, Колин. Ты ее отец.

Слышатся какие-то помехи, и, прежде чем он успевает еще что-нибудь сказать Мэрайе, берет трубку Вера:

– Привет, папочка.

– Привет, Кексик, – говорит Колин, наматывая на руку

змею металлического провода. – Звоню сказать тебе, что на несколько недель уезжаю.

– Ты всегда уезжаешь.

Его поражает правдивость этих слов. Он действительно столько путешествует по работе, что почти все его воспоминания о дочери и, надо полагать, ее воспоминания о нем связаны со встречами и с расставаниями.

– Но я всегда по тебе скучаю.

– А я по тебе.

Шмыгнув носом, Вера передает трубку матери.

– Извини, – говорит Мэрайя. – В последнее время она довольно непредсказуемая.

– Это можно понять.

– Конечно.

– Она же еще маленькая.

– Да. Но в любом случае она наверняка рада, что ты позвонил.

Колин удивляется тому, какой странный у них выходит разговор. Раньше воркотня Мэрайи накрывала его с головой, как морская волна. Он никогда толком не слушал всех этих бесконечных рассказов о талончиках из химчистки, о школьных конференциях и акциях в продуктовом магазине. А теперь рассказы прекратились, и он, к своему удивлению, заметил, что увяз по горло в песках этого брака. Удивительно, до чего быстро совершается переход из одного состояния в другое: еще вчера люди сорили словами, как мелочью, а се-

годня даже самая простая дружеская беседа выжимает их до капли.

– Ну... все? – спрашивает Мэрайя и, с полсекунды поколебавшись, добавляет: – Или ты и со мной хотел о чем-то поговорить?

Ему нужно сообщить ей о том, что он снова женится, узнать, как она со всем справляется, сказать, до чего это странно, когда человек находится на расстоянии нескольких миль от тебя, а кажется, будто вас разделяет только высокая толстая стена, из-за которой ты пытаешься выглянуть.

– Нет, – говорит Колин. – Все.

29 сентября 1999 года

Иэн нанял троих помощников, чтобы они просматривали прессу крупнейших американских и европейских городов и каждое утро в восемь часов докладывали ему о двух сомнительных чудесах. Сейчас, спустя две недели после начала антирелигиозного похода, все трое сидят не в офисе, а в тесном автодоме «Виннебаго».

– Начнем с вас, – говорит Иэн, поворачиваясь к Дэвиду, самому молодому. – Что нарыли?

– Двухголового цыпленка и семидесятипятилетнюю женщину, которая родила.

– Это не рекорд, – фыркает Ивон. – Во Флориде одна старушка родила еще позже.

В любом случае Иэну эта история малоинтересна.

– Ну а сами вы чем похвастаетесь?

– В Айове на поле замечены выжженные круги.

– В это я впутываться не хочу. Пришельцы – отдельная отрасль надувательства. Что у вас, Ванда?

– В Монтане в одном из колодцев странный свет.

– Наверное, туда сваливают радиоактивные отходы. Что-нибудь еще?

– Пожалуй, да. В Бостоне на симпозиуме психиатров случился скандал.

– Скандал в сонном царстве? Звучит как оксюморон.

– Знаю. И тем не менее. Один доктор высказал предположение, что если галлюцинацию невозможно опровергнуть, то видение следует считать реальностью.

– Это уже тепло. А о каком видении речь?

– У этого доктора лечится девочка, которая считает, что ей является Бог.

Иэн начинает ощущать зуд нетерпения.

– Серьезно? И кто эта девочка?

– Неизвестно. Имен пациентов на симпозиуме не называли. Но имя психиатра я записала, – говорит Ванда и выуживает из кармана джинсов листок.

– Миз Мэри Маргарет Келлер, – читает Иэн. – Значит, эта дама не может опровергнуть галлюцинацию. А ведь наверняка затаскала ребенка по своим коллегам. Ничего. Там, где не справляются пятьдесят психиатров, достаточно одного такого, как я.

Услышав стук в дверь, равви Вайсман отрывается от своих книг и стонет. Десять часов. Значит, пришли Ротманы. У него возникает мимолетное желание затаиться и не открывать. Меньше всего на свете ему хочется сидеть и смотреть, как эти двое забрасывают друг друга такими едкими оскорблениями, что он даже сам побаивается попасть под раздачу. Конечно, раввин должен давать советы членам общины. Но его встречи с Ротманами – это не душеспасительные беседы и даже не сеансы семейной психотерапии. Это какие-то учебные стрельбы.

Вздохнув и покачав головой, равви Вайсман натягивает на лицо улыбку, открывает дверь кабинета и застывает: Ив и Херб Ротман целуются в коридоре. Через долю секунды они отскакивают друг от друга, смущенно извиняясь. Не веря собственным глазам, раввин видит, как они, садясь, сдвигают стулья поближе. Неужели это тот самый мужчина, который в прошлый раз назвал жену расчетливой коровой, вытягивающей из него кровно заработанные деньги? Неужели это та самая женщина, которая обещала отрезать мужу бейцим, если он еще раз припрется домой в середине ночи, воля гаремом.

– Ну? – вопросительно поднимает брови раввин.

– Мы и сами знаем, – застенчиво говорит Ив, сжимая руку Херба. – Разве это не удивительно?

– Это не удивительно, это чудесно! – с энтузиазмом под-

хватывает Херб. – Мы вас любим, равви, но ваша помощь нам с Иви больше не нужна.

– Я рад за вас, – улыбается Вайсман. – Чем же вызваны такие перемены?

– Дело в том, – отвечает Ив, – что я просто начала чувствовать по-другому.

– Я тоже, – говорит Херб.

Если память не изменяет равви Вайсману, неделю назад он разнимал этих двоих, как боксеров, чтобы они друг друга не покалечили. А вот теперь, когда они, посидев несколько минут, попрощались и вышли, он смотрит им вслед и ничего не понимает. Казалось, этим отношениям уже даже Бог не поможет, но, видимо, Он все-таки вмешался. Иного объяснения не найти. Его, равви Вайсмана, советы тут явно ни при чем. Если бы во время последней встречи наметился какой-то сдвиг, он бы это запомнил. И записал. Но в ежедневнике никаких пометок нет. Только обозначено, что на прошлой неделе Ротманам было назначено на десять утра. А на одиннадцать – маленькой Вере Уайт.

Вера просыпается среди ночи, сжимает кулачки и тихонько хнычет. Ладони болят, как в прошлом году, когда она, поспорив с Бетси Коркоран, схватилась за металлический флагшток в самый морозный день зимы и чуть не примерзла. Повернувшись на бок, Вера засовывает руки под подушку, где простыня попрохладнее. Но это не помогает. Еще немно-

го покрутившись, Вера думает, сходить ли ей пописать, раз уж проснулась, или просто полежать и подождать, пока руки не перестанут болеть. Идти к маме ей не хочется. Однажды она проснулась оттого, что одна нога у нее потяжелела, как арбуз, и ничего не чувствовала, кроме покалывания. А мама сказала: «Это называется „иглочки-булавочки“. Ты просто неловко лежала. Пройдет. Иди спать». Хотя на самом деле на полу никаких иглочек и булавочек не было. Вера проверила. И из ступни тоже ничего не торчало.

Она поворачивается на другой бок и видит сидящую на краю постели хранительницу.

– У меня ладошки болят, – жалуется Вера, протягивая руки.

Хранительница наклоняется и смотрит:

– Поболит только совсем немножко.

Вере становится легче, как от тех маленьких таблеток от головной боли, которые мама дает ей, когда у нее жар. Она смотрит, как хранительница берет сначала ее левую ручку, потом правую и целует обе ладони. Прикосновение губ такое горячее, что Вера подскакивает и высвобождается. Потом опускает глаза и видит: от поцелуев на коже остались красные кружки. Вера думает, что это пятна от помады, и пытается их стереть, но они не стираются. Хранительница осторожно загибает ей пальчики. Вера смеется при мысли о том, что поцелуй, оказывается, можно удержать в кулачке.

– Видишь, как я тебя люблю? – говорит хранительница,

и Вера с улыбкой засыпает.

30 сентября 1999 года

Иэн рад был бы сказать, будто к Вере Уайт его привело не что иное, как безошибочный нюх разоблачителя фальсификаций, но это неправда. Хороший стратег всегда имеет на примете несколько источников информации, поэтому, когда доктор Келлер наотрез отказалась давать интервью, Иэн пустил в ход план Б.

Для того чтобы пробраться в служебное помещение местной больницы и найти там чистую униформу для медсестры, нужно полчаса. Еще десять минут уходит на инструктаж Ивон, которая в костюме медсестры проходит за стеклянную раздвижную дверь и через четверть часа возвращается, сияя:

– Я протопала прямо в кабинет МРТ и сказала сестре-регистраторше, что доктор Келлер не получила результаты своей семилетней пациентки. Сестра сразу брякает: «Веры Уайт?» Лезет в компьютер и говорит, что результаты отправили неделю назад. Вера Уайт, – повторяет Ивон. – Вот так.

Дальше Иэн принимается за работу сам. Открывает в телефонном справочнике длинный список Уайтов, достает из кармана мобильный телефон и набирает первый номер:

– Здравствуйте. Я бы хотел поговорить с мамой Веры Уайт. Ошибся? Ой, извините.

Следующие два звонка тоже оказываются безуспешными. Потом Иэн слышит автоответчик: «Вы позвонили Колину,

Мэрайе и Вере. Пожалуйста, оставьте сообщение». Иэн обводит в кружок адрес и торжествующе смотрит на своих помощников. Бинго!

Ориентироваться в Нью-Ханаане не так-то просто. На Мэйн-стрит, которая, по сути, представляет собой узкий и давно не отремонтированный отрезок федеральной трассы 4, конечно, не заблудишься. Но, кроме нее, ориентиров мало: школа, отделение полиции, парикмахерская, офисный центр, кофейня «Донат кинг», и все. Можно часами блуждать по узким улочкам между кукурузными полями или по извилистым тропкам, обвивающим Медвежью гору, и даже не замечать запрятанных в зелени старых фермерских домов, где, собственно, и обитают жители городка.

Члены ордена пассионистов то входят в «Донат кинг», то выходят из него. Они приехали из самой Седоны, такие уставшие и раздраженные, что сейчас им больше хочется найти ближайший общественный туалет, чем нового мессию, поиски которого и привели их в Нью-Ханаан. Брат Хейвуд, их предводитель, переходит Мэйн-стрит и оглядывает участок земли, обозначенный как ферма Холстейн. Нью-Ханаан, думает Хейвуд, «земля, где течет молоко и мед»¹⁵. Но, честно говоря, у него нет никакой уверенности в том, что он привел свою паству куда нужно. С тем же успехом можно искать мессию в Новой Англии, Нью-Йорке или Нью-Брансуи-

¹⁵ Исх. 3: 17.

ке. Брат Хейвуд достает из кармана набор камешков с высеченными на них рунами и бросает себе под ноги. Подбирает один и трет о большой палец. Вдруг в рот и в нос ему ударяет пыль, внезапно поднявшаяся столбом.

Из-за угла стремительно выворачивает дом на колесах «Виннебаго». Брат Хейвуд падает, едва успев отскочить. Встает и козырьком подносит руку ко лбу, чтобы рассмотреть номер машины. Несколько лет назад он стал сторонником философии невмешательства и доносить в полицию не собирается, но старые привычки быстро не исчезают. С синего номерного знака брат Хейвуд переводит взгляд на заднюю дверь машины, на которой нарисован огненный шар.

Спрятав руны, брат Хейвуд достает из другого кармана складной бинокль и читает:

ИЭН ФЛЕТЧЕР. В ПОИСКАХ ПРАВДЫ.

Чтобы не знать Иэна Флетчера, нужно жить в пещере. Большой щит с физиономией этого телеатеиста стоит прямо на окраине Седоны. Его передачу показывают по нескольким каналам. В каком-то смысле Хейвуд ему завидует, потому что тоже хотел бы выступить против системы, бросить обществу вызов. Только с совершенно другой целью.

Об антирелигиозном походе Флетчера Хейвуд слышал, а потому понимает, что Флетчер не приехал бы в нью-гэмпширский городишко Нью-Ханаан просто так. Значит, и они не зря проделали такой долгий путь. Убедившись в отсутствии свидетелей, брат Хейвуд снова подносит к глазам би-

нокль и мысленно наносит на карту маршрут, ведущий к далекому белому домику, возле которого останавливается «Виннебаго».

В четверг утром Мэрайя смотрит «Агнца Божьего»¹⁶ и поэтому отправляется за покупками позже обычного. Тем не менее до окончания занятий в начальной школе она успевает набить машину продуктами и припарковать ее на обычном месте – под большим тополем возле игровой площадки первоклассников. Звонок звенит, а Вера все не появляется. Прождав до тех пор, пока поток детей не иссяк, Мэрайя входит в здание.

Ее дочь сидит скрючившись на фиолетовом диване в кабинете секретаря и плачет. Легинсы порваны на коленках, косичка растрепалась, волосы прилипли к мокрым щекам, кулачки спрятаны в рукавах кофты, и Вера вытирает ими нос.

– Мама, можно я больше не буду ходить в школу?

У Мэрайи сжимается сердце.

– Но ты же любишь школу! – Она быстро опускается на колени: не только для того, чтобы утешить дочку, но и для того, чтобы заслонить от любопытного взгляда секретарши. – Что случилось?

– Они надо мной смеются. Говорят, я сумасшедшая.

¹⁶ «Агнец Божий» (*Agnes of God*, 1985) – фильм Н. Джуисона по пьесе Дж. Пилмейера.

Сумасшедшая?! Почувствовав прилив праведного гнева, Мэрайя обнимает Веру:

– С чего они это взяли?

Вера съезживается:

– Они слышали, как я разговаривала... с ней.

Мэрайя закрывает глаза и мысленно просит – кого? – чтобы ей помогли побыстрее разрулить эту ситуацию, затем поднимает дочь с дивана, берет за руку, спрятанную в рукав, и ведет к выходу.

– А знаешь что? Может быть, завтра мы с тобой пропустим школу. Проведем целый день вдвоем.

Вера смотрит на мать:

– Правда?

Мэрайя кивает:

– Бабушка иногда устраивала мне маленькие внеочередные праздники.

Она стискивает зубы, вспомнив о том, как мать это называла: «день душевного здоровья».

В машине, петляющей по извилистым дорогам Нью-Ханаана, Вера начинает рассказывать о том, что происходило сегодня в школе. Перед тем как свернуть к дому, Мэрайя останавливается, открывает окно и забирает из ящика почту. Вдоль дороги припарковано много автомобилей, чьи владельцы, наверное, разбили где-нибудь поблизости палатки или наблюдают за птицами в поле на другой стороне. Туристы здесь частые гости. Мэрайя едет дальше и видит толпу

у самого своего дома. Тут и легковые машины, и микроавтобусы, и непонятно откуда взявшийся ярко разрисованный дом на колесах.

– Вау! – шепотом произносит Вера. – Что это такое?

– Не знаю, – сквозь зубы отвечает Мэрайя и, выключив зажигание, выходит из машины.

Ее сразу же окружает человек двадцать. Включаются камеры, со всех сторон, как стрелы, сыплются вопросы:

– Ваша дочь в машине?

– Бог сейчас с ней?

– Вы тоже видите Бога?

Когда приоткрывается задняя дверца машины, все замолкают. Вера выходит и нервно замирает на вымощенной плиткой дорожке, ведущей к дому. Мужчины и женщины в длиннополой одежде, выстроившись в шеренгу, склоняют головы, когда она на них смотрит. Чуть в стороне стоит человек с тонкой сигарой в зубах. Его лицо кажется Мэрайе знакомым. Вдруг она понимает, что видела его по телевизору. Сам Иэн Флетчер курит, прислонившись к дикой яблоне.

Все сразу становится ясно: слух о Вере каким-то образом распространился. Почувствовав дурноту, Мэрайя обнимает дочь за плечи, вводит ее в дом и запирает дверь.

– Чего им всем нужно? – спрашивает Вера, пытаясь выглянуть через боковое окошко, но мать тут же ее отдергивает.

– Иди в свою комнату, – говорит Мэрайя, потирая виски. –

Делай уроки.

– Но мне на завтра ничего не задали.

– Тогда найди себе какое-нибудь занятие!

Уже чувствуя, как слезы подступают к горлу, Мэрайя идет на кухню и берет телефон. Надо бы позвонить в полицию, но она первым делом набирает другой номер. После двух гудков ее мать отвечает.

– Пожалуйста, приезжай! – рыдая, произносит Мэрайя и вешает трубку.

Мэрайя садится, кладет ладони на прохладную столешницу и считает до десяти. Она думает о молоке, брокколи и персиках, которые уже начинают портиться в багажнике машины.

Иэн Флетчер свое дело знает. Он беспощаден, целеустремлен, чужд всяких сомнений. Нацелив взгляд на маленькую девочку, свой новый объект, он не выпускает ее из поля зрения, пока она не скрывается за дверью.

Но женщина, идущая рядом, тоже привлекает его внимание. Испуганные глаза, неосознанная грация, инстинктивное движение руки, оберегающей ребенка, – все подметил Иэн. Женщина невысокая, узкая в кости. Волосы цвета потемневшего золота зачесаны назад и открывают лицо – бледное, без макияжа. Пожалуй, с тех пор как Иэн побывал на водопадах Южной Америки, он не видел ничего столь естественно очаровательного. У матери Веры Уайт не классическая красота,

черты не идеально правильные. Но это почему-то делает их еще более привлекательными. Он встряхивает головой. Его тусовка – модели и кинозвезды. Ему не должно быть никакого дела до какой-то там женщины с лицом ангела.

Ангел? Сама эта мысль нелепа и опасна. Виноват чертов «Виннебаго», решает Иэн. Если приходится спать на поролоновой койке, а не на кровати в люксе отеля, от постоянного недосыпания перестаешь рационально мыслить, и тогда каждая носительница пары X-хромосом кажется неотразимой.

Иэн пытается сосредоточиться на Вере Уайт, которую мать обнимает за плечи, но совершает ошибку: поднимает глаза и встречается с Мэрайей Уайт взглядом. Ее зеленые глаза смотрят холодно и рассерженно. Пора начинать бой, думает он, не имея ни сил, ни желания оторваться от лица женщины. Он смотрит на нее до тех пор, пока она решительно не захлопывает за собой дверь.

– Есть ли, помимо утверждения о существовании Бога, хотя бы один факт, который мы принимали бы слепо, не рассуждая? – с вызовом произносит Иэн Флетчер, стоя перед горсткой собравшихся слушателей, и его голос звучит как призыв к оружию.

Известие о приезде знаменитого телеведущего привлекло к белому фермерскому домику зевак, а также кое-кого из представителей прессы.

– Нет! Такого факта не существует. Даже в то, что солн-

це всходит каждый день, мы не верим бездоказательно. Мы убеждаемся в этом с помощью науки, хотя и так собственными глазами видим солнечный диск. – Иэн опирается на ограждение деревянной платформы, наспех сооруженной возле фургона специально для таких моментов. – Можно ли доказать, что Бог существует? Нет, нельзя. – Краем глаза Иэн видит, как люди перешептываются. Может быть, они уже засомневались в том, ради чего пришли поглядеть на чудо-девочку Веру Уайт. – Вы знаете, что такое религия? – Иэн многозначительно смотрит на хмурые лица пассионистов, одетых в красное. – Это культ. Как прививаются религиозные верования? В возрасте четырех-пяти лет, когда мы наиболее восприимчивы к фантастическим идеям, родители промывают нам мозги: говорят, что нужно верить в Бога, и мы верим. – Иэн поднимает руку и указывает на белый фермерский домик. – А теперь вам достаточно слова девочки, которой самое время верить в фей, гоблинов и пасхального зайца? – Он обводит толпу своим фирменным пронзительным взглядом. – Я спрошу вас еще раз: во что, кроме существования Бога, мы верим не рассуждая? – Воцаряется тишина; Иэн усмехается. – Позвольте, я помогу вам. Последним, на кого вы слепо уповали, был Санта-Клаус. – Иэн вздергивает брови. – Какой бы неправдоподобной ни казалась эта сказка, каким бы количеством объективных фактов она ни опровергалась, вы хотели верить и верили, потому что были детьми. При всей кажущейся грубости этого сравнения ваша

вера в Бога – явление того же порядка. И от Бога, и от Санта-Клауса мы ждем подарков за хорошее поведение. И тот и другой делают свою работу невидимо. Им обоим помогают сверхъестественные существа: одному – ангелы, другому – гномы. – Иэн останавливает взгляд сначала на одном из пассивистов, потом на местном репортере, потом на женщине, прижимающей к груди младенца. – Почему сейчас вы уже не верите в Санта-Клауса? Потому что вы выросли и борода-тый волшебник превратился из реальной фигуры в славную рождественскую историю, которую вы будете рассказывать своим детям. Как ваши родители рассказывали вам о Боге. – Иэн выдерживает паузу, чтобы атмосфера посильнее накалилась. – Неужели вы не видите, что это тоже миф?

Милли Эпштейн со всей силы хлопает дверью машины. Чудесный старый домик Мэрайи осаждают какие-то сумасшедшие. По меньшей мере человек двадцать растянулись вдоль подъездной дорожки, а некоторые, самые наглые, даже топчут траву у крыльца. Среди этих нахалов странные типы в красных ночных рубашках и несколько местных жителей. Два микроавтобуса с эмблемами телеканалов набиты репортерами. Расталкивая всех на своем пути, Милли поднимается на крыльцо, где видит шефа полиции.

– Томас, – спрашивает она, – что это за цирк?

Он пожимает плечами:

– Я сам только сейчас приехал, миссис Эпштейн. Насколь-

ко я успел разобраться, вот эти люди говорят, что ваша внучка – Иисус или кто-то вроде того, а вон тот парень говорит, что ваша внучка не Иисус и что Иисуса вообще не существует.

– Нельзя ли убрать их всех с газона Мэрайи?

– Я и сам собирался, – отвечает полицейский. – Но их можно отодвинуть только до дороги. Там они вправе находиться, потому что это общественное место.

Милли изучает собравшихся.

– Можно нам поговорить с Верой? – кричит один из репортеров. – Приведите ее сюда!

– Да! – подхватывает кто-то.

– И мать тоже!

Голоса пугающе нарастают, но Милли остается только слушать. Наконец она скрещивает руки на груди и отвечает толпе:

– Во-первых, это частная собственность, причем не ваша. Во-вторых, вы говорите о ребенке. Неужели вы действительно готовы принять слова семилетней девочки всерьез?

Из первых рядов раздаются громкие отчетливые хлопки в ладоши.

– Поздравляю, мэ, – тянет Иэн Флетчер. – Единственное разумное высказывание в этом вихре сумасшествия.

Он подходит ближе, и Милли видит, что это действительно известный телеведущий. В жизни он так же красив, как на экране, и голос его так же ласкает слух. Тем не менее Милли

понимает: назвав его привлекательным, она совершила чудовищную ошибку. Она швырнула в толпу крупицу скепсиса, чтобы отвлечь зевак от своей внучки. А Флетчер сеет вокруг себя сомнения, чтобы люди ели у него из рук.

– Уезжайте, пожалуйста, – цедит она. – Девочка, которая здесь живет, не представляет для вас никакого интереса.

Иэн Флетчер ослепительно улыбается:

– Это факт? Значит, вы не верите собственной внучке? Ребенок, который говорит, что беседует с Богом, – это просто ребенок, который говорит, что беседует с Богом? Вы, как я понимаю, со мной согласны? Никаких чудес, никакого колокольного звона. Перед нами всего лишь горстка членов какой-то сомнительной секты. И совершенно незачем сходить с ума вместе с ними, верно? – Слова Флетчера обволакивают Милли, как мед, и приклеивают к крыльцу. – Мэм, я вами восхищаюсь!

Милли прищуривается и открывает рот, но вдруг, схватившись за сердце, падает на землю у ног Иэна.

Мэрайя распахивает дверь и, выбежав, склоняется над матерью.

– Ма! – кричит она, тряся безвольные плечи Милли. – Вызовите «скорую»!

Щелкают вспышки нескольких фотоаппаратов. Мэрайя, стоя на коленях, нагибается совсем низко, но не слышит дыхания, и волосы у нее не колышутся. Она сжимает мате-

ринскую руку, уверенная в том, что стоит немного ослабить хватку – и все потеряно.

Через несколько минут машина «скорой помощи», разбрасывая гравий, с воем проносится по подъездной дорожке и останавливается настолько близко к дому, насколько позволяют микроавтобусы и «Виннебаго». Парамедики взбегают на крыльцо. Один осторожно отстраняет Мэрайю, другой начинает делать массаж сердца.

– О Боже! – шепчет Мэрайя. – О Боже! О мой Боже!

О хранительница! Хранительница! О моя хранительница! Услышав слова матери, Вера высовывает голову из убежища, где пряталась, после того как выскользнула из дому. Ей вдруг становится ясно, что они обе обращаются к одному и тому же адресату.

Иэн наблюдает за тем, как Мэрайя Уайт, плача, просит, чтобы ей разрешили сесть в машину «скорой помощи» вместе с девочкой. Вмешивается шеф полиции: обещает привезти Веру в больницу, как только прибудет подкрепление и все непрошенные гости уберутся. «Скорая» с воем отъезжает. Иэн, держа руки в карманах, смотрит ей вслед.

– Отличная работа! – говорит кто-то.

Вздвогнув от неожиданности, Иэн оборачивается и видит своего исполнительного продюсера, который протягивает ему автомобильные ключи.

– Вперед. Сегодня вечером резонанс тебе обеспечен.

Еще бы! Довел пожилую женщину до остановки сердца!

– Да уж, больше ничего ожидать не приходится.

– Так чего же ты ждешь?

– Ладно, – говорит Иэн и, взяв ключи, ищет взглядом «БМВ» Джеймса. Операторов звать бесполезно: их в больницу все равно не пропустят. – Не вздумай гонять без меня на моем «Виннебаго»! – кричит он и, сев в машину, жмет на газ.

Вскоре Иэн уже сидит в комнате ожидания отделения экстренной помощи перед плохоньким телевизором, показывающим мультики. Мэрайи Уайт не видно. Вера появляется спустя десять минут в сопровождении молодого полицейского. Они сидят через несколько рядов от Иэна. Время от времени девочка оборачивается и смотрит на него.

Ему не по себе. Вообще-то, он не отличается совестью и обычно выполняет свою работу без лишних раздумий. Чаще всего ему приходится действовать на нервы проклятым Южным баптистам, к которым он сам когда-то принадлежал и которые, по его убеждению, поглощают божественную благодать в таких количествах, что не беда, если они разок-другой подавятся собственным лицемерием.

Однажды, когда Иэн выступал с речью в нью-йоркском Центральном парке, какая-то женщина упала в обморок. Но то было совсем другое. Верина бабушка, чьего имени он даже не знает... С ней случился приступ отчасти из-за того, что он сказал или сделал.

Это просто сюжет, говорит Иэн сам себе. Она мне никто, я приехал сюда ради моей передачи.

У полицейского пиццит пейджер. Прочитав сообщение, парень встает и просит Веру никуда не уходить. По пути к телефонам-автоматам он останавливается у стойки медсестры и что-то тихо ей говорит. Наверное, просит присмотреть за ребенком. Когда Вера снова оборачивается, Иэн закрывает глаза, а когда открывает, девочка уже сидит рядом.

– Мистер? – произносит она тоненьким голоском.

– Привет, – говорит он после секундной паузы.

– Моя бабушка умерла?

– Не знаю.

Вера молчит. Иэн с любопытством на нее поглядывает. Она сидит съежившись и размышляет. Никого отмеченного Богом Иэн не видит. А видит только испуганную маленькую девочку. Он делает неуклюжую попытку ее отвлечь:

– Готов поспорить, что тебе нравятся *Spice Girls*. Я с ними знаком.

Вера смотрит на него, моргая:

– Это из-за вас бабушка упала?

У Иэна в животе что-то сжимается.

– Думаю, да, Вера. И мне очень жаль.

Она отворачивается:

– Вы мне не нравитесь.

– Не только тебе.

Иэн ждет, что Вера уйдет сама или за ней придет поли-

дейский, но тут входит Мэрайя Уайт и обводит комнату заплаканными глазами. Когда она находит взглядом Веру, девочка вскакивает и бежит, чтобы обнять ее. Мэрайя холодно смотрит на Иэна.

– Полицейский... пошел... – запинается он, указывая в сторону коридора.

– Не приближайтесь к моей дочери, – сухо произносит Мэрайя, берет Веру за плечи, и они обе исчезают за дверью отделения интенсивной терапии.

Выждав несколько секунд, Иэн встает и подходит к медсестре:

– Я полагаю, мать миссис Уайт не выкарабкалась?

Сестра, не отрывая взгляда от своих бумаг, отвечает:

– Вы полагаете правильно.

Трагедии тем и страшны, что случаются внезапно. Бьют со всей силой и яростью урагана. Стоя над телом матери, Мэрайя крепко держит Веру за руку. В палате сейчас никого нет, добрая медсестра вытащила из Милли все трубки и иголки, чтобы близкие могли с ней проститься. Решение войти к покойнице вместе с дочкой далось Мэрайе нелегко, но она понимает: без этого ребенок будет отрицать произошедшее.

– Ты знаешь, – голос Мэрайи словно бы загустел от слез, – что это значит, что бабушка умерла?

Не дождавшись ответа, она начинает плакать. Садится ря-

дом с телом, закрывает лицо руками и не сразу обращает внимание на скрежещущий звук, который издает ее дочь, подтаскивая к каталке складной стул с другой стороны. Вера влезает на сиденье, прижимается щекой к бабушкиной груди и неловко обнимает тело.

В какой-то момент Мэрайя чувствует, что волосы на шее встают дыбом, и трогает себя ладонью. При этом она не отрываясь смотрит, как Вера приподнимается на локтях, как берет лицо Милли обеими ручонками и целует в губы. Как руки Милли медленно отрываются от простыни и крепко сжимают внучку.

Глава 5

*Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьем, жизнью цвета,
Как может смерть понять?*

У. Вордсворт. Нас семеро¹⁷

30 сентября 1999 года

С тех пор как моя мать возвратилась к жизни, прошло уже много часов, а я все никак не перестану трястись. Тот самый врач, который подписал ей свидетельство о смерти, сейчас направляет ее на всевозможные анализы, осторожно предполагая, что она здорова. Я сижу, спрятав руки под себя, и делаю вид, будто это нормально, когда человек, принятый в больницу с формулировкой «доставлен мертвым», разгуливает по коридорам.

Доктор хочет оставить маму на ночь в стационаре для наблюдения, но она категорически отказывается:

– Ни в коем случае! Я могу бегать, прыгать и даже не устаю. Я еще никогда себя так хорошо не чувствовала.

– Может быть, ма, тебе действительно лучше здесь переночевать? У тебя же все-таки остановка сердца была...

¹⁷ Перевод И. И. Козлова.

– Вы были мертвы, – уточняет врач. – Ребята в колледже рассказывали мне о мертвецах в морге, которые подымались в тот момент, когда санитар застегивал молнию на мешке. Мне всегда хотелось и самому увидеть что-нибудь подобное. – Мы с мамой переглядываемся; он откашливается. – Итак, нужно сделать кардиограмму, КТ, еще кое-какие анализы и проверить, какие сердечные препараты вы пьете.

– То есть вы хотите убедиться, что я не овощ? – фыркает мама.

– Мы хотим убедиться, что нет угрозы повторной остановки сердца, – поправляет ее врач. – Сейчас я вызову медсестру, и она отвезет вас на другой этаж.

– Большое спасибо, но я и сама ходить умею, – говорит мама, спрыгивая со стола.

Доктор, покачивая головой, направляется к выходу из палаты. Я забегаю вперед, трогаю его за рукав и жестом прошу отойти за ширму.

– С ней действительно все в порядке? Вдруг это просто странный сбой в работе ее нервной системы и через час она упадет в кому?

– Не знаю, – подумав, признается доктор. – Бывало, что в операционной монитор показывал прямую линию, а потом человек кашлял и приходил в сознание. Я видел людей, которые лежали в коме месяцами, а потом просыпались и разговаривали как ни в чем не бывало. Одно я могу сказать вам определенно, миссис Уайт: ваша мать была клинически

мертва. Это указали парамедики в своем отчете. Да и я, черт возьми, это констатировал! Может ли ее нынешнее состояние оказаться неустойчивым? Не знаю. Я сталкиваюсь с таким впервые.

– Понимаю, – говорю я, хотя на самом деле ничего не понимаю.

– Сейчас мы не видим на ее сердце никаких признаков травмы. Конечно, мы будем продолжать обследование, но в данный момент сердце кажется здоровым, как у подростка. – Он похлопывает меня по руке. – Объяснить этого я не могу. Даже пытаться не буду.

– Может, хватит меня поддерживать? – Мама отталкивает мою руку. – Со мной все нормально.

Она энергично, впереди нас с Верой, выходит из отделения экстренной помощи. Медсестра крестится. Водитель машины «скорой помощи», уплетающий слоеное пирожное, болтая с другой медсестрой, роняет одноразовый стакан с кофе.

– Извините, – говорит мама, останавливая интерна. – Где здесь лифт? – Девушка показывает, а мама оборачивается ко мне. – Ну? Ты здесь остаешься или как?

Она шагает по коридору мимо Иэна Флетчера, который смотрит на нас с таким недоумением, что я впервые за много часов начинаю смеяться.

Пока флеботомисты тычут в маму шприцами, мы с дочкой сидим в комнате ожидания. Вера бледная, уставшая, под глазами фиолетовые круги.

– Я сделала, что ты хотела, – шепчет она, поднимая личико.

– Ты не имеешь никакого отношения к бабушкиному выздоровлению, – с трудом сглотив, говорю я. – Ты же это понимаешь?

– Ты ее просила, – бормочет Вера. – Я слышала.

– Кого – ее?

– Бога. Ты говорила: «О Боже! О Боже! О мой Боже!» – Вера трется носом о свое плечо. – И она тебя услышала. Она сказала мне, что сделать, чтобы ты не огорчалась.

Я опускаю голову и смотрю на Верины кроссовки: на одной ноге шнурки развязались и болтаются по полу, как у самого обыкновенного ребенка. И все-таки моя дочь не обыкновенный ребенок. Она разговаривает с Богом и, по-видимому, только что совершила чудо.

Я борюсь с желанием расплакаться. Все это очень похоже на затянувшийся ночной кошмар. Кажется, Колин вот-вот встряхнет меня и прошепчет: «Переворачивайся на другой бок и спи дальше». Дети должны ходить в школу, качаться на качелях, обдирать себе колени. А то, что происходит сейчас с нами, – это бывает в фильмах, в романах, но не в настоящей жизни.

Я не глядя тру Верину ладошку и нащупываю мозоль.

– Что это?

Вера прячет руки:

– Это от рукохода.

– А не от... – Как же такое выговорить?! – Не от того, что ты прикоснулась к бабушке? Тебе не было больно?

Вера качает головой:

– Я как будто бы катилась с горки вниз. – Она смотрит на меня в замешательстве. – Ты разве не хотела, чтобы с бабушкой все было хорошо?

Я обнимаю ее так, словно пытаюсь спрятать обратно внутрь себя и защитить от того, что теперь уже неминуемо ей грозит.

– Ох, Вера, конечно, я хотела, чтобы с бабушкой все было хорошо. И сейчас хочу. Меня только немножко пугает, что мое желание, вероятно, исполнилось благодаря тебе.

Я глажу ее по волосам, по плечикам.

– Меня это тоже немножко пугает, – тихо признается она.

УМЕРШАЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЖИЗНИ

*1 октября 1999 года; Нью-Ханаан,
штат Нью-Гэмпшир*

Вчера примерно в 15:34 Милдред Эпштейн, 56 лет, скончалась. В 16:45 она поднялась и спросила, зачем ее привезли в больницу.

Сердечный приступ случился у миссис Эпштейн,

жительницы Нью-Ханаана, на пороге дома ее дочери, которую она пришла навестить. По словам очевидцев, женщина схватилась за грудь и упала. Врачи «скорой помощи» на протяжении 20 минут проводили реанимационные мероприятия на месте происшествия, но возобновить работу сердца не удалось. По прибытии в местный медицинский центр доктор Питер Уивер констатировал смерть Милдред Эпштейн. «Я никогда ничего подобного не видел, – сообщил Уивер репортерам. – Вопреки тому что смерть пациентки подтверждается многочисленными очевидцами и засвидетельствована квалифицированным медперсоналом, последующее обследование миссис Эпштейн не выявило не только следов остановки сердца, длившейся более часа, но и вообще признаков какой-либо травмы».

По имеющимся данным, женщина упала после словесного столкновения с Иэном Флетчером, известным телеведущим, отрицающим существование Бога. Флетчер готовил репортаж о внучке Милдред Эпштейн, у которой, по противоречивым сведениям, случаются божественные видения. Ни миссис Эпштейн, ни мистер Флетчер не комментируют произошедшее.

– Ну, знаешь ли, это не считается, – заявляет Иэн, потягиваясь на стуле. – Когда я говорил о свежих морепродуктах, то не имел в виду запеканку с консервированным тунцом.

– Единственная альтернатива – кафе «Донат кинг», – ухмыляется Джеймс. – Или это, или пончики.

Иэн содрогается:

– Знаешь, сколько бы я сейчас отдал за хороший стейк из ангусской говядины?

– Перейди через дорогу и укради на молочной ферме целую корову. Их там столько, что, уверен, никто не считает. – Джеймс промокает рот салфеткой. – Но корову тебе пришлось бы самому готовить, а так ты сидишь в ресторане.

– Сравнить это заведение с рестораном – все равно что называть мое путешествие в «Виннебаго» сафари.

– Твое путешествие – не сафари, а антирелигиозный поход. Ты сам мне так сказал несколько недель назад. Послушай, Иэн, – говорит продюсер, подавшись вперед, – дело только что пошло в гору. В вечерних новостях на Эн-би-си показали твой материал с умершей бабушкой, а потом повторяли каждый час. – Джеймс поднимает чашку с кофе. – По-моему, ты попал на верный след. Эта девчонка – хороший крючок. Людям даже в голову не придет, что она все выдумала. Тем эффектнее получится, когда ты отдернешь занавес.

– Да, – слабо улыбается Иэн, – ради этого стоит потерпеть размещение суперэкономкласса.

– Смотри на это так: если сейчас сумеешь вернуться в игру, то потом сможешь до конца дней ни к каким домам на колесах даже близко не подходить. – Джеймс смотрит на чек и, смеясь, достает кредитную карту. – Правда, мне в детстве нравилось отдыхать в кемпингах. Тебе разве нет?

Иэн не отвечает. Его детство было, вероятнее всего, не

таким, как у Джеймса.

– Ах да! Я забыл! Ты же никогда не был ребенком!

– Не-а, – улыбается Иэн, – я выскочил готовеньким из головы моего исполнительного продюсера.

– Я серьезно. Мы ведь с тобой знакомы уже... сколько? Семь лет? А я про тебя ничего не знаю, кроме того, что ты начинал на радио и получил докторскую степень в каком-то второсортном бостонском университете.

– Ага. Гарвард называется. Этот «второсортный» университет правильно сделал, что предоставил тебе учиться где-нибудь в Йеле, – отшучивается Иэн и маскирует чувство неловкости зевком. – Джеймс, я совсем разбитый. Пойду-ка на боковую.

Продюсер вскидывает бровь:

– Чтобы тебя клонило в сон? Черта с два!

Иэн настораживается. Откуда Джеймс знает про его бессонницу? Про то, что он в последний раз более или менее нормально спал несколько лет назад? Может, его видели в одну из тех ночей, когда он выходил из своего дома на колесах и бродил по лесу, или по равнине, или по прерии – в общем, по той глуши, куда его занесла нелегкая?

– Ты просто чувствуешь себя загнанным в тупик и пытаешься сменить тему, – заключает Джеймс, и Иэн облегченно вздыхает: тайна его частной жизни осталась неприкосновенной. – А я ведь как друг тебя спрашиваю. Кто твои родители? Как ты рос?

Вырос я в одночасье, подумал Иэн, но вместо этого сказал: – Мне что-то ужасно захотелось пончиков. – Он улыбнулся, натянув на лицо привычную маску. – Ты со мной?

3 октября 1999 года

К счастью, полиция заставила и Иэна Флетчера, и членов странного ордена пассионистов, и полсотни простых зевак покинуть нашу территорию. Но к сожалению, все они убрались недостаточно далеко. Всего лишь в полумиле от дома проходит дорога, а это общественное место, и там они имеют право находиться. Поэтому мы видим их из окон. А значит, они нас тоже видят. Вера беспокойная, все время хнычет, но поиграть в саду я ей не разрешаю. Стоит мне высунуть нос из дому, поднимается шум. Что же будет, если выйдет она? Сегодня мне даже мусор пришлось выбрасывать за полночь, чтобы не попасться репортерам. Потом я прокралась мимо качелей к дубам и села под крону одного из них.

– О чем задумались?

Я подсказиваю. Передо мной Иэн Флетчер с горящей спичкой в руке. Он зажигает сигару, сует ее в рот и затягивается.

– Вы опять вторглись на мою территорию. Я могу заявить на вас в полицию.

– Знаю, что можете, но думаю, вы не станете этого делать.

– Ошибаетесь. – Я встаю и направляюсь к дому.

– Пожалуйста, не надо никуда звонить, – тихо говорит Иэн

Флетчер. – Я видел, как вы ходите по комнате, куда-то собираетесь, и просто решил спросить о вашей матери. Без свидетелей. – Он машет рукой в сторону машин, столпившихся на обочине.

– Что именно вы хотите спросить?

– С ней все в порядке?

Я киваю, не отрывая взгляда от его лица:

– Не благодаря вам.

Это мое воображение или Иэн Флетчер действительно покраснел?

– Да, мне жаль. Я не должен был... – Не договорив, он качает головой.

– Не должны были что?

Его яркие горящие глаза продолжают удерживать мой взгляд.

– Просто не должен был. И все.

– Иэн Флетчер извинился? Жаль, я на пленку не записала.

В следующую секунду его уже нет поблизости. Только тлеющий сигарный пепел у моих ног доказывает, что он здесь был.

4 октября 1999 года

На следующий день я приезжаю в медицинский центр, где доктор Уивер планирует повторное обследование сердца моей мамы, и, к своему удивлению, нахожу ее сидящей на диване рядом с Иэном Флетчером.

– Мэрайя, – говорит она, как будто мы собрались пить чай, – это мистер Флетчер.

Я так сжимаю Верину ручку, что бедный ребенок вскрикивает.

– Мы знакомы. Извините, мистер Флетчер. Можно тебя на минутку?

Волоча Веру на буксире, я отвожу маму в сторону:

– Не хочешь объяснить мне, что он здесь делает?

– Успокойся, Мэрайя. А то у тебя самой будет сердечный приступ. Я пригласила мистера Флетчера... – мама оборачивается и с улыбкой кивает ему, – чтобы он мог сделать свой репортаж и убраться к чертям из нашей жизни. Пускай себе снимает что хочет. Мне скрывать нечего.

– А если, – говорю я, потирая двумя пальцами переносицу, – он приклеит тебе ярлык зомби или вампирши и продолжит ошиваться вокруг нашего дома? Почему ты думаешь, что он сдержит свое обещание?

– Потому что знаю.

– Превосходно! Мне все ясно. Ну а Вера? – Я сжимаю руку дочери. – Она тоже не хочет его видеть.

– Ребенок реагирует на твои флюиды, дорогая.

– У меня нет никаких флюидов. Их вообще не существует.

– Бог тоже не существует, правда? – Мама невинно улыбается.

– Ладно. Нужен тебе этот цирк шапито – пожалуйста. Хочешь, чтобы Иэн Флетчер тебя снимал, пускай снимает. Но

от нас с Верой он и слова не услышит. Будь добра объяснить ему это, если тебе здесь нужна моя компания.

Иэн Флетчер вместе с несколькими операторами и исполнительным продюсером втискивается в кабинет для исследований. Он обещает не касаться никаких тем, кроме здоровья моей матери, а когда я спрашиваю, есть ли у него разрешение на съемку, самодовольно демонстрирует мне мамино письменное согласие и согласие руководства больницы. По его распоряжению убирают лишние каталки, вносят софиты. Он хмурится, когда я отвожу Веру в сторону, чтобы она не попадала в кадр. Сама я встаю рядом с больничным администратором, приставленным наблюдать за ходом съемок. Мы похожи на двух сторожевых собак. Как только Флетчер жестом просит оператора наклониться через плечо врача и крупным планом снять мамину медицинскую карту, я вмешиваюсь:

– Это конфиденциально!

– Как и вся процедура обследования, миз Уайт. Но ваша мама подписала документ, согласно которому мы имеем право снимать ручной камерой все, что пожелаем.

– Ваши желания мне неинтересны.

Иэн Флетчер смотрит на меня и медленно улыбается:

– Жаль.

Я отхожу, спрашивая себя: как этот нахал может быть тем же самым человеком, с которым я разговаривала прошлой ночью? Показывает он сейчас свое истинное лицо или это

только телевизионная маска?

Скрестив руки на груди, я смотрю, как оператор снимает мамину кардиограмму: обычную и с нагрузкой.

– Миссис Эпштейн, – говорит доктор Уивер, – вы здоровы, как восемнадцатилетняя девушка. Может быть, даже меня переживете. – Явно наслаждаясь своими пятнадцатью минутами славы, он поворачивается к Иэну. – Видите ли, мистер Флетчер, я человек науки. Но, кроме разве что трансплантации сердца, наука не находит никакого объяснения тому, что результаты сегодняшнего обследования миссис Эпштейн так разительно отличаются от результатов ее же планового обследования месячной давности. Не говоря уже, конечно, о феномене... оживления.

Меня медленно наполняет чувство удовлетворенности: во-первых, я рада снова услышать, что моя мать здорова, во-вторых, утереть нос Иэну Флетчеру чертовски приятно. Я бросаю на него торжествующий взгляд, и в этот самый момент он шепотом командует оператору, чтобы тот развернулся и снимал уже не мою маму, а Веру, которая сидит в углу и рисует на бланке для назначений.

– Нет! – тихо произношу я и бросаюсь в бой. – Вы не имеете права ее снимать! – кричу я и, вскочив с места, заслоняю дочь; оператор испуганно пятится. – Отдайте мне кассету! Сейчас же отдайте кассету!

Я тянусь к камере, парень поднимает ее над головой и зовет шефа на помощь:

– Господи, мистер Флетчер, да уберите от меня эту женщину!

Иэн Флетчер делает шаг вперед и, подняв ладони, умиротворяюще говорит:

– Миз Уайт, не нужно так волноваться.

Я разворачиваюсь к нему:

– А вы мне не указывайте! – Краем глаза я вижу, что оператор продолжает снимать. – Пусть выключит эту чертову штуковину!

Иэн слегка кивает, и оператор опускает камеру. Напряжение, которое я ощущала всем телом, ослабевает, и я обмякаю. Трясаясь, я отхожу от Веры и поднимаю голову, ища взглядом мать. Иэн Флетчер, больничный администратор и доктор молча смотрят на меня.

– Нет, – с трудом выговариваю я и прокашливаюсь. – Я сказала «нет».

Когда Иэн Флетчер уходит, а медсестра уводит Веру, чтобы дать ей какую-то наклейку, я остаюсь с мамой наедине.

– Это моя вина, – говорит она, одеваясь. – Я думала, если я приглашу Флетчера сама, мы быстрее от него отделаемся.

– Увы, нет, – бормочу я.

Мы молча ждем возвращения Веры и обе, каждая на свой лад, в чем-нибудь себя упрекаем.

– Мэрайя, ты ведь слышала, что люди говорят про смерть?

Я поднимаю глаза:

– Что?

– Ну, про яркий свет в конце тоннеля и все такое. – Она вдруг прячет от меня глаза и начинает ковырять кутикулу на большом пальце. – Так вот, на самом деле это не так.

Я сглатываю. Во рту становится сухо, как в пустыне.

– Не так?

– Нет. Ни света, ни ангелов я не видела. Я видела свою маму. – Она поворачивается ко мне, глаза горят. – Ох, Мэрайя! Как долго мы с ней не виделись! Целых двадцать семь лет! Это был такой подарок – увидеть все то, о чем я уже начала забывать: и ее искусанные ногти, и отросшие корни волос, и даже морщины! Она улыбнулась мне и сказала, что еще не время.

Мама неожиданно переплетает свои пальцы с моими. Чем старше мы становимся, тем реже наши родные прикасаются к нам. В детстве я любила сидеть у мамы на коленях, подростком отстранялась от ее руки, если она пыталась поправить мне воротничок или прическу, а когда я выросла, мне стало казаться, что даже быстро приобнять друг друга на прощание – это излишне сентиментальный жест. Он слишком красноречиво говорит о том, о чем пока говорить не хочется.

– Я никогда не понимала, почему Бог считается нашим отцом. Отцы всегда хотят, чтобы мы соответствовали каким-то стандартам. А матери любят нас, не ставя условий, ты так не считаешь?

Вера возвращается с четырьмя наклейками на рубашке. Мы спускаемся в вестибюль, и там я ненадолго оставляю дочку с мамой, а сама иду подогнуть машину поближе к входу в больницу. На парковке я слышу у себя за спиной шаги.

– Я опять вынужден сказать, что мне жаль, – говорит Иэн Флетчер.

– Это потому, что вы опять сделали подлость, – отвечаю я. – Отдайте мне ту кассету.

– Вы знаете, что отдать ее вам я не могу. Но обещаю: кадры с вашей дочерью в передачу не войдут.

– Обещаете? – фыркаю я. – Как обещали ее не снимать?

– Мне не следовало снимать Веру без вашего разрешения, и я это уже признал. – Я хочу уйти, но Иэн Флетчер хватает меня за рукав. – Задержитесь, пожалуйста, на секунду. – Он отпускает меня, как будто обжегся, и прячет руки в карманы. – Я хочу вам кое-что сказать. Я не верю вашим утверждениям относительно девочки. В частности, не верю в это предполагаемое воскрешение. И я докажу вам, что вы заблуждаетесь. Но я уважаю вас за то, как вы себя повели. – Он прокашливается. – Вы хорошая мать.

Опешив, я разеваю рот. Мне вдруг становится ясно: все это время я выпрыгивала из штанов, пытаюсь защитить Веру, и даже не успела подумать о том, права ли я. Этот человек, этот ужасный человек, который без приглашения вломился в нашу жизнь и понятия не имеет, кто я такая, принял меня

за ту, кем я всегда хотела быть: за самоотверженную львицу, мать от природы.

Даже не знаю, смеяться мне или плакать. Конечно, я лучше многих представляю себе, как обстоятельства иногда меняют человека. Обыкновенные женщины двигают с места двухтонные машины и грудью преграждают путь летящей пуле, чтобы спасти своего ребенка. Причем решиться на подвиг для них так же легко, как просто вздохнуть. Может быть, я превратилась в одну из таких женщин. Но я бы с радостью вернулась в прежнее состояние, если бы и Вера снова стала нормальным ребенком.

– Мистер Флетчер...

Он поворачивается ко мне, ожидая, что я скажу ему спасибо, а я с размаху ударяю его по лицу.

Глава 6

Кто не со Мною, тот против Меня...
Лк. 11: 23

6 октября 1999 года

Бабушка Иэна неколебимо воплощала идеал южной красавицы, нося свои религиозные убеждения, как пуленепробиваемый жилет. «Слава Богу, я христианка!» – долго и громко твердила она, когда узнавала, что муж ушел от нее к официантке из «Джолли донатс» или что земля без ее ведома продана под универмаг «Джей Си Пенни». А если Бог не спешил помогать ей, она восполняла это упущение с помощью бутылки бурбона, которую прятала в бачке унитаза на первом этаже.

В воздухе Южного баптизма, которым с детства дышал Иэн, отсутствовали молекулы скепсиса янки. На Юге общины строились вокруг церквей, и кое-где религия по-прежнему крепко держала людей за горло: о человеке судили по тому, какой храм он посещал. Честно говоря, Иэн чувствует себя гораздо комфортнее среди янки, для которых вера в Бога – не основа жизни, а нечто факультативное. На Севере люди позволяют себе сомневаться. Так, во всяком случае, Иэн думал, пока не столкнулся с реакцией на смерть Милли Эпштейн и ее последующее возвращение к жизни.

Благодаря своим связям он получил доступ ко всем медицинским документам Вериной бабушки. Заключение о смерти действительно подписано тремя медиками. Но ведь он собственными глазами видел ее живой и здоровой.

Рейтинг его передачи вырос, но этот эффект, если не приложить усилий и не помочь делу, растает, как кубик льда в июльскую жару. А из истории Милли Эпштейн, похоже, больше ничего не вытянешь. Иэн хватается за голову, обдумывая следующий ход. За годы своей карьеры он твердо усвоил одну истину: не бывает шкафов без скелетов, у каждого есть что-то, что он не хотел бы показывать миру. Кому, как не ему, Иэну, это знать!

Как только Аллен Макманус разворачивает бисквитное пирожное с кремом, кто-то звонит ему на личную линию.

– Да, – ворчливо отвечает он, снимая трубку.

Сколько можно говорить жене, чтобы не звонила на работу! Господи, это же единственное место, где ему иногда удастся насладиться покоем!

– Ты знаешь о Лазаре? – произносит низкий искаженный голос, явно не принадлежащий жене Аллена.

– Кто это, черт возьми?

– Ты знаешь о Лазаре? – повторяет тот же голос. – Кому еще это выгодно?

– Слушай, приятель, я не понимаю, какого...

Раздается щелчок, потом идут гудки. Очевидно, это

розыгрыш. Ведь скоро Хэллоуин, а все знают, что Аллен пишет некрологи. Видимо, каким-то шутникам, которые решили сострить на тему воскрешения мертвых, дали его номер. Едва он успел выбросить это из головы, приходит факс для колонки некрологов. Наверное, «Ассошиэйтед пресс» сообщает о кончине какого-нибудь значительного лица. Аллен со вздохом подходит к аппарату и, щурясь, сморит на зернистую фотографию какой-то женщины под «шапкой» «Хроники Нью-Ханаана». Где он, черт подери, этот Нью-Ханаан?! Заголовок статьи гласит: «УМЕРШАЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЖИЗНИ».

Лазарь...

Аллен садится и пытается вспомнить, что читал в Библии о Лазаре. Если вообще читал. Наклоняется через проход и спрашивает у коллеги:

– Барб, у тебя Библия есть?

Она смеется:

– Непременно! Держу ее на столе возле пузырька с замазкой. А что? Ты видишь Бога?

– Забудь, – хмурится Аллен.

«Хроники Нью-Ханаана» – это какая-нибудь жалкая газетенка, и городок, наверное, вшивый. Но именно там умершая женщина якобы воскресла.

И психиатр, устроившая скандал на симпозиуме, тоже оттуда.

Аллен просматривает статью еще раз и в четвертом абзаце

читает: «...внучка Милдред Эпштейн, у которой... случаются божественные видения». Вряд ли в Нью-Ханаане много детей, разговаривающих с Богом. Значит, эта девчонка и есть пациентка доктора Келлер. А теперь, получается, малышка еще и чудеса творит! Этой новости обеспечена первая половина в нью-гэмпширском отделении.

Кому еще это выгодно?

Так спросил звонивший. Разумеется, воскрешение Милли Эпштейн выгодно самой Милли Эпштейн. Если оно, конечно, было. Аллен прочитывает статью еще раз. В городке ошивается Иэн Флетчер. Видимо, тоже почувял, что дело нечисто. Так кто же мог выиграть от фальшивого чуда? Ребенок. Но семилетние дети не действуют сами по себе, у них бывают менеджеры. В данном случае это, наверное, мать.

7 октября 1999 года

В пять утра Мэрайя слышит, что открылась входная дверь. Вскакивает с постели и пулей несется вниз по лестнице. Хватает зонтик в передней и, вооружившись им, как битой, высматривает тень непрошеного гостя. Сердце колотится.

– Выходи! – кричит Мэрайя. – Тебе нужны фотографии? Или эксклюзивное интервью? Покажись, ублюдок!

В ответ – тишина. Продолжая ругаться, Мэрайя отбрасывает зонтик и в этот момент видит за окном Веру: босая, в одной ночной рубашке, она катает по газону кукольную ко-

ляску. Мэрайя смотрит на маленький лагерь, разбитый у дороги. Пассионисты из Аризоны мирно спят. Репортеры еще не приехали. Только Иэн Флетчер, изможденный и хмурый, стоит в дверном проеме своего «Виннебаго».

– Привет, мамочка! – Вера машет рукой. – Хочешь со мной поиграть?

Сглотнув слова упрека, которые вертелись на языке, Мэрайя спрашивает:

– У тебя... ножки не замерзли?

– Нет, сегодня же такое хорошее утро! – Вера наклоняется над коляской и поправляет кукле одеяло. – Правда, малыш?

Утро действительно хорошее, если не считать того, что пупс шевелится. Его крошечные коричневые кулачки колотят стелющийся над землей туман, а под шапкой курчавых волос виднеется большая круглая болячка. Вера достает младенца из коляски и прижимает к щеке:

– Какой хороший мальчик!

Только теперь Мэрайя замечает стройную женскую фигуру возле ясеня в дальнем конце подъездной дорожки. Голова женщины обмотана шарфом. Она не отрываясь смотрит на малыша, но даже не пытается забрать его у Веры.

Вера усаживает ребенка в высокое кукольное кресло, вытасченное на газон, и понарошку кормит пластмассовыми фруктами. Малыш улыбается и болтает ножками. Он смеется так громко, что один из фотографов просыпается и начинает с пугающей скоростью щелкать своей камерой. Выйдя

из ступора, Мэрайя сбегает с крыльца и подскакивает к дочери:

– Милая, нам пора в дом.

Вера, щурясь, смотрит на восходящее солнце:

– Ой! Но ведь здесь так хорошо!

Мэрайя гладит дочь по голове:

– Знаю. Может, мы попозже выйдем. – При этом ее взгляд останавливается на бесстрастном лице Иэна Флетчера. За все это время он не сделал ничего такого, в чем его можно было бы упрекнуть. Даже не пошевелился. Только наблюдал. Мэрайя заставляет себя сосредоточиться на дочери. – Думаю, тебе пора вернуть малыша маме.

Вера осторожно поднимает младенца и целует болячку на лбу. Потом несет к ясеню и передает плачущей матери. Женщина явно хочет что-то сказать, но не может. Вера слегка дотрагивается до ее пальцев, придерживающих головку ребенка:

– Приносите его поиграть еще, ладно?

Женщина, кивнув, вытирает глаза. Вера протягивает Мэрайе руку, и та вдруг остро чувствует, что прикасается к человеку, которого совсем не знает. Она носила Веру в себе, родила и семь лет растила в своем доме, даже не подозревая о том, какое будущее ждет ее ребенка.

Уже подойдя к крыльцу, Мэрайя замечает Иэна Флетчера, уверенно шагающего по подъездной дорожке. Он несет игрушечную коляску, креслице и корзиночку с пластмассо-

выми фруктами.

– Извините нас, – сухо говорит Мэрайя, принимая у него игрушки.

Он делает шаг назад и, глядя на Веру, отвечает:

– К вашим услугам.

После неожиданного явления Веры Уайт Иэн возвращается в «Виннебаго». Увидев, что она играет как нормальная семилетняя девочка, он утвердился в своем предположении: зачинщица всего этого – мать. Стоило Мэрайе Уайт выйти из дому, ребенок тут же прекратил игру. Какие бы причины ею ни руководили, режиссер шоу именно она.

На своем веку Иэн повидал много шарлатанов – мужчин и женщин, мастерски владеющих искусством обмана. Чаще всего им нужны были деньги или слава. Но в этом-то и противоречие. Что-то во взгляде Мэрайи заставляет Иэна видеть в ней скорее жертву, чем мошенницу. Можно подумать, она действительно не рада всем этим событиям. Неплохая актриса, черт подери!

Красота, благодаря своему отвлекающему воздействию, служит отличной маскировкой. Чистота черт, которые хороши даже спросонья, стройность ног, так стремительно пересекающих дворик, – все это только приманка. Дым и зеркала, необходимые для того, чтобы чудеса, якобы творимые девочкой, выглядели эффектнее. Вера Уайт способна видеть Бога и воскрешать мертвых точно так же, как и сам Иэн.

8 октября 1999 года

– Это равви Даниэль Соломон, – говорит Мэрайе раввин Вайсман.

Мужчина в «вареной» рубашке протягивает руку:

– Надеюсь, имя мудрого царя досталось мне не просто так.

Не отвечая на его улыбку, Мэрайя обнимает Веру, которая, прижавшись к ее бедру, опасливо посматривает на незнакомого человека.

– Я из Боулдера. Возглавляю конгрегацию «Бейт ам хадаш», – говорит Соломон.

Глядя на его одежду и длинные волосы, собранные в хвостик, Мэрайя думает: если ты раввин, то я английская королева.

– «Бейт ам хадаш», – объясняет он, – значит «Дом новых людей». Мы представляем современное направление в иудаизме, совмещающее каббалистическое учение с элементами буддизма, суфизма и традициями коренного населения Америки. Нам бы хотелось побольше узнать о Вере.

– Видите ли, – отвечает Мэрайя, – мне, в общем-то, нечего вам рассказать.

Она бы и в дом раввинов не пустила, просто очень уж невежливо держать их на крыльце. Отправив Веру в игровую комнату – слушать предстоящий разговор девочке не стоило, – Мэрайя говорит:

– Во время нашей прошлой встречи, равви Вайсман, у ме-

ня создается впечатление, что вы думаете, будто я заставляю ребенка что-то изображать.

– Знаю. Но я засомневался и взял на себя смелость пригласить равви Соломона. Дело вот в чем, миссис Уайт. После того как вы вышли из синагоги, случилась очень странная вещь: супруги, у которых были большие проблемы в отношениях, вдруг помирились.

– Что же здесь странного? – спрашивает Мэрайя и, подумав о Колине, чувствует знакомое покалывание в груди.

– Поверьте, – отвечает раввин, – эти двое были совершенно непримиримы, а после того как вы привели Веру, их как будто подменили. – Растопырив пальцы, он поднимает руки. – Я пока не нахожу всему этому внятного объяснения, но мне попалась на глаза статья о вашей маме, и я подумал, что кто-нибудь на моем месте усмотрел бы связь между Вериным приходом в нашу синагогу и примирением той пары. А еще я вспомнил выступление равви Соломона на совете раввинов. Это было года два назад, и речь шла о том, возможно ли в наше время появление пророка. Я сказал, что Бог, вероятно, подаст нам какой-то знак: сообщит о скором наступлении мира в Израиле или подскажет, как победить палестинцев. Ваша дочь ничего подобного не слышит. Но равви Соломон считает, что Божественное откровение будет касаться не борьбы с нашим врагом, а сферы межличностных отношений. Разводы, жестокое обращение с детьми, алкоголизм, то есть социальное зло. Вот что Господь, вероятно, поможет

нам искоренить.

Мэрайя смотрит на равви Вайсмана, не меняясь в лице. Равви Соломон прокашливается:

– Миссис Уайт, могу я поговорить с Верой? – (Мэрайя смотрит на него с сомнением.) – Хотя бы несколько минут?

– Только если несколько минут, – неохотно соглашается она. – И если вы ее не огорчите.

Все трое идут в игровую комнату. Равви Соломон опускается на колени, чтобы его глаза были на уровне Вериных.

– Меня зовут Даниэль. Можно я расскажу тебе одну историю? – (Вера, выглядывая из-за спины Мэрайи, робко кивает.) – Люди, которые ходят ко мне в храм, верят, что, когда нашего мира еще не было, Бог уже был. И Он был такой... большой, что для того, чтобы освободить место для всего остального, Ему пришлось стать немножко меньше.

– Землю создал не Бог, – говорит Вера. – Произошел взрыв. Нам про это в школе рассказывали.

– Мне тоже, – улыбается равви Соломон. – Но я все-таки думаю, что этот взрыв устроил Бог. Он смотрел издали, как все это происходит. А тебе так не кажется?

– Может быть.

– Ну так вот... Бог уменьшился, чтобы освободить место для нашего мира. Он наполнил сосуды энергией и светом и отправил их в новое пространство. Но сосуды не смогли все удержать и лопнули. И искры Божьего света рассыпались по всей вселенной. Осколки самих сосудов тоже рассыпа-

лись. Они превратились в плохие вещи, которые мы называем «клипот». Мы с моими друзьями верим, что весь клипот нужно вычистить, а частички света собрать и вернуть Богу. Например, когда в Шаббат ты, произнеся молитву, ешь кошерную курочку, из нее, может быть, высвобождаются священные искорки. А еще больше искорок высвобождается, если ты совершаешь мицву, то есть помогаешь кому-нибудь.

– Мы не едим кошерную пищу, – вмешивается Мэрайя. – И вообще не соблюдаем еврейских традиций.

– Я тоже не все соблюдаю, – криво улыбается равви Соломон, указывая на свою рубашку. – Но каббала, еврейское мистическое учение, может объяснить очень многое. В частности, то, почему маленькая девочка, которая никогда не ходила в храм и не молилась, оказывается ближе к Богу, чем кто бы то ни было. Никому не дано собирать искры в одиночку. Эта способность может спрятаться в вас так глубоко, что вы вообще перестанете верить в Бога. Но придет кто-нибудь, в ком очень много света. Этот человек поможет вам увидеть и тот свет, который внутри вас, а оттого что вы вместе, сияние станет еще ярче. – Равви Соломон дотрагивается до Веринной макушки. – Вероятно, Бог разговаривает с Верой ради тех людей, до которых она донесет Его слово.

– Вы ей верите? – выдыхает Мэрайя, не решаясь произнести такое вслух. – Вы считаете, что она говорит правду, хотя видите ее впервые в жизни?

– Я смотрю на вещи немножко шире, чем равви Вайсман.

Та пара, которую он консультировал... Конечно, может быть, это совпадение. А может быть, и нет. Может быть, у Веры есть ответы на какие-то вопросы. Мне кажется, в наше время, если Бог захочет нам показаться, Он не станет проповедовать с кафедры. Он примет скромное обличье, наподобие того, в каком Его видит ваша дочь.

Вера дергает раввина за рукав:

– Это Она. Бог – девочка.

– Девочка? – осторожно повторяет Соломон.

Мэрайя скрещивает руки на груди:

– Да, Вера утверждает, что Бог – женщина. Еврейское мистическое учение может это как-нибудь объяснить?

– Вообще-то, Господь с точки зрения каббалы соединяет в себе женское и мужское начало. Женская часть, Шехина, – это присутствие Бога. Это то, что разбилось при Сотворении мира вместе с сосудами. И если Вера видит женщину, ничего странного в этом нет. Именно присутствие Бога дает ей способность исцелять людей и собирать их вокруг себя. Вероятно, то, что она видит, – ее собственное отражение.

Мэрайя смотрит на Веру, от скуки уже начавшую царапать ей колени, и задает давно назревший вопрос:

– Равви Соломон, ваш город находится далеко. Зачем вы сюда приехали?

– Я хотел бы забрать Веру в Колорадо, чтобы побольше узнать о ее видениях.

– Ни в коем случае! Моя дочь не объект для наблюдения.

– Правда? – Раввин кивком указывает на окно.

– Я их сюда не приглашала. – Мэрайя сжимает кулаки и смотрит на Веру. – И вообще я ничего такого не просила.

– Чего вы не просили, миссис Уайт? Бога? Шехина не появляется там, где Ее не хотят видеть. Прежде чем присутствие Господа воцарится в вашем доме, вы должны Ему открыться. Вероятно, именно поэтому вам поначалу так тяжело. – Глаза Соломона похожи на янтарь, в котором застыло прошлое. – Что с вами случилось, Мэрайя? – спрашивает он мягко. – Почему вы так упорно боретесь, чтобы не быть еврейкой?

Она вспоминает, как однажды в детстве пришла с подружкой в церковь. И ее удивило, что Иисус, как считают христиане, любит всех, в том числе и тех, кто делает ошибки. А благосклонность еврейского Бога нужно заслужить. Мэрайя уже не в первый раз спрашивает себя, почему религия, которая гордится своей открытостью, ставит человека в такие жесткие рамки. Ей вдруг становится не по себе оттого, что у нее в доме два раввина.

– Я не еврейка. Я – это просто я. – Она смотрит на Веру. – Мы с моей дочерью никакой религии не исповедуем. Мне кажется, вам пора.

Равви Соломон протягивает руку:

– Вы подумаете о чем-нибудь из того, что я вам сказал?

– Не знаю, – пожимает плечами Мэрайя. – Глядя на Веру, я не вижу присутствия Бога. Не вижу Божественного света. Я

вижу только человека, чье душевное равновесие все сильнее и сильнее страдает от происходящего вокруг.

Равви Соломон выпрямляется:

– Забавно. Две тысячи лет назад многие евреи говорили то же самое об Иисусе.

10 октября 1999 года

Перед тем как облачиться в священнические одежды, отец Джозеф Макреди меняет ковбойские сапоги на черные туфли с мягкой подошвой. Он ожидает, что придет много народу. Во время ранней воскресной мессы в нью-ханаанской церкви всегда бывает многолюдно: местные католики охотно жертвуют несколькими часами сна, если потом есть возможность расслабиться в собственном садике или поиграть в гольф в соседнем городке.

Может быть, сегодня это наконец случится? – думает священник. Ухватившись за края обшарпанного столика, он поднимает глаза на распятие. Ему вспоминается тот момент, когда он, несясь через всю страну на своем «харли», вдруг понял, что может въехать прямо в Тихий океан и все равно никуда не попасть.

С тех пор прошли многие годы, но перед каждой мессой отец Макреди по-прежнему молится о знаке, который подтвердил бы правильность решения, принятого им тогда. О знаке, который сказал бы ему: Бог с ним. Еще несколько секунд он с надеждой смотрит на распятие, но, как и

все предыдущие двадцать восемь лет, ничего не видит. Отец Макреди закрывает глаза, стараясь ощутить присутствие Святого Духа перед тем, как выйти к своей пастве.

На скамьях сидят восемь человек.

Обескураженный, отец Макреди начинает службу, а в голове водоворот мыслей. При всем своем старании он не может найти ни единой причины, по которой число прихожан всего за неделю могло сократиться в десять раз. Месса идет галопом – к совершенному замешательству мальчика-служки, который обычно минут через десять начинает скучать. Произнеся последнее «аминь», отец Макреди быстро переодевается и встает у дверей церкви, чтобы проводить своих немногочисленных верных прихожан. Но оказывается, многие, не попрощавшись со своим пастырем, уже убежали на парковку.

– Марджори, – обращается священник к пожилой женщине, чей муж умер год назад, – куда вы все сегодня так торопитесь?

– Ах, преподобный отец, – говорит она, и на ее щеках образуются ямочки, – к дому Уайтов.

– А что это еще за Уайт? Какой-то политик? Вы что, в Вашингтон собрались?

– Да нет же! Вера Уайт – это та девочка, которой, говорят, сам Господь является. Я-то решила, что мессу все равно пропускать не след...

– Какой-то девочке является Господь?

– А вы разве не читали «Хронику»? Люди говорят, что к этой Вере Уайт Бог с речами обращается. Я слышала, она даже чудеса творит. Женщину мертвую воскресила!

– А знаете, – задумчиво произносит отец Макреди, – я, пожалуй, тоже схожу.

Мэрайя обтачивает вишневый цилиндрик на токарном станке, наблюдая за тем, как при каждом прикосновении к инструменту от чурбачка отлетают выющиеся ленты древесины. Это будет четвертая ножка стола эпохи английской королевы Анны для очередного кукольного домика. Три другие, изящно выточенные, уже лежат рядом с овальной столешницей.

Изготовление мебели в выходные не предусмотрено недельным планом Мэрайи. По воскресеньям она обычно вообще не работает, но в последнее время весь распорядок нарушился. Вчерашний день был посвящен выписке мамы из больницы после недельного обследования под наблюдением экспертов-кардиологов. Мэрайя хотела, чтобы Милли какое-то время пожила у нее, но та категорически воспротивилась:

– От меня до тебя всего пять минут езды. Да и что может случиться?

Мэрайя не стала особенно упорствовать, поскольку понимала: мама все равно будет проводить у них целые дни, если просто сказать ей, что Вере нужна компания. Вместе войдя в

старый особняк, обе, и мать и дочь, испытали неловкость, когда натолкнулись на «гробовой столик». Не встретив со стороны Милли никакого противодействия, Мэрайя отволокла его в гараж: с глаз долой – из сердца вон.

Сейчас она пытается наверстать потерянное время. Достает из нагрудного кармана линейку и измеряет ножку стола. Ошиблась на два миллиметра. Придется начинать заново. Вздыхнув, Мэрайя выбрасывает изделие и в этот момент слышит звонок в дверь. Неожиданно.

В последние дни полицейский, стоящий у подъездной дорожки, никого к дому не подпускал. Может, почту принесли или доставщик топлива подъехал? Мэрайя открывает и видит прямо перед собой католического священника. Ее губы сжимаются.

– Как вам удалось пройти?

– У меня есть профессиональные льготы, – невозмутимо отвечает отец Джозеф. – Когда Господь закрывает дверь, Он открывает окно. Или ставит в охрану полицейского из числа добрых католиков.

– Отец, – устало говорит Мэрайя, – я ценю то, что вы пришли. И понимаю зачем, но...

– Правда? А сам я, если честно, не понимаю, – смеется священник. – Сегодня наша церковь Святой Елизаветы стоит пустая. Видимо, не выдержала конкуренции с вашей дочкой.

– Поверьте, мы этого не хотели. И к новой религиозной атаке на нас мы не готовы. В пятницу здесь были два раввина.

Говорили о еврейском мистицизме...

– Ну, вы, наверное, слышали, что о мистицизме говорят: начинается туманом, кончается ересью¹⁸.

Мэрайя невольно усмехается:

– Мы ведь даже не католики.

– Я слышал. Отец девочки – протестант, а вы еврейка.

Мэрайя прислоняется к дверному косяку:

– Верно. Так почему вы нами интересуетесь?

Джозеф пожимает плечами:

– Вы знаете, когда я служил капелланом во Вьетнаме, у нас была встреча с далай-ламой. Мы с коллегами голову сломали, чем его угощать и как к нему обращаться. Кто-то предложил «Ваше святейшество», хотя так мы называем папу. У нас из-за этого разгорелся нешуточный спор. А в итоге знаете что, миссис Уайт? Когда далай-лама пришел, я ощутил такую... энергию, какой раньше не ощущал никогда. Если человек не католик, это не значит, что он не может быть личностью глубоко просветленной.

На щеке Мэрайи появляется ямочка.

– Осторожней, отец. Как бы вас за такие слова не отлучили от Церкви!

– У Его святейшества слишком много забот, чтобы следить за моими еретическими высказываниями, – улыбается священник.

¹⁸ В английском языке слово *mysticism* («мистицизм») по звучанию напоминает расположенные рядом слова *mist* («туман») и *schism* («схизма, раскол»).

Этот человек держится настолько светски, что при других обстоятельствах Мэрайя охотно пригласила бы его на чашку кофе.

– Отец...

– Джозеф. Джозеф Макреди, – говорит он и с улыбкой добавляет: – К вашим услугам.

– Вы мне симпатичны, – смеется Мэрайя.

– Вы мне тоже.

– Тем не менее, я думаю, входить в наш дом вам сейчас не стоит. – Она жмет священнику руку, отдавая ему должное в том, что он не просит разрешения поговорить с Верой. – Если понадобится, я, может быть, зайду к вам в церковь. Но нет никаких доказательств того, что чудеса действительно свершились.

– Конечно, есть только людская молва. Но ведь Матфей, Марк, Лука и Иоанн тоже просто рассказывали о том, что видели.

Мэрайя скрещивает руки на груди:

– Вы и правда верите, будто Бог может обращаться к людям через ребенка? Через девочку, которая формально еврейка?

– Насколько мне известно, миссис Уайт, раньше такое бывало.

11 октября 1999 года

– Возьмите чуть-чуть правее, – говорит продюсер, глядя

на монитор.

Лучи софитов, установленных осветителем и электриком, заставляют Терезу Чиверно сощуриться и инстинктивно прикрыть глаза маленькому Рафаэлю. Он отталкивает ее руку, и она в сотый раз за день удивляется его силе и координации. Прижимает младенца к себе и целует чистую здоровую кожу на лбу.

– Миз Чиверно, мы готовы, – произносит насыщенный медовый голос, принадлежащий Петре Саганофф, ведущей популярного шоу «Голливуд сегодня вечером!».

Продюсер отрывает взгляд от монитора:

– Не могли бы вы поднести ребенка еще поближе к себе? Да, вот так отлично! – Он соединяет большой и указательный палец левой руки, показывая знак «о'кей».

Петра Саганофф ждет, пока визажист не нанесет на ее лицо последние штрихи.

– Вы помните, о чем я вас буду спрашивать?

Тереза кивает, с тревогой глядя на вторую камеру, нацеленную на них с малышом, и напоминает себе о том, что оказалась в этой студии по собственной инициативе. Сначала она хотела девять дней молиться апостолу Иуде Фаддею и напечатать текст молитвы в газете «Бостон глоб», но потом решила, что важнее сообщить о случившемся как можно большему числу людей. Ее двоюродный брат Луис работает в Лос-Анджелесе на студии «Уорнер бразерз» и встречается с костюмершей Петры Саганофф. Тереза попросила его раз-

узнать, не годится ли ее история для передачи. Не прошло и суток после того, как Рафаэля выписали из больницы со справкой о том, что он здоров, как Петра Саганофф уже явилась в маленькую квартирку Терезы в густонаселенном южном районе Бостона, чтобы сделать предварительную запись для последующей трансляции.

– Три, два, один, начали, – говорит оператор и указывает на Петру.

– Ваш малыш не всегда выглядел таким здоровым, верно?

Тереза чувствует, что краснеет. А ведь Петра велела ей не краснеть. Надо взять себя в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.